

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

6(6)
2011

Научный журнал

Издается с апреля 2011 года
альманах

СЕРИЯ «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук»

Учредитель:

Главный редактор **А. В. Бурков**

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65-44-01.
e-mail: ujourn@gmail.com.
<http://www.universityjournal.ru>.

Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Бумага офсетная.
Распространяется бесплатно.
Тираж 220 экз.
Дата выхода: 27.09.2011.

ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Типография «Вертикаль»
424036, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21.

Редакционная коллегия:

- А. В. Бурков**, д-р экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
(главный редактор)
А. В. Затонский, д-р техн. наук, доцент (Березники).
Л. В. Лукиенко, д-р техн. наук, доцент (Новомосковск).
Н. М. Митюков, д-р техн. наук, доцент (Ижевск).
О. Н. Кондратьева, канд. фил. наук, доцент (Кемерово).
О. В. Белоус, канд. психол. наук, доцент (Армавир).
В. В. Вышкварцев, канд. юрид. наук, доцент (Москва).
И. Д. Котляров, канд. экон. наук, доцент (Санкт-Петербург).
Н. Е. Назарова, канд. техн. наук, доцент (Нижний Новгород).
К. И. Курпаяниди, канд. экон. наук, доцент (Узбекистан).
Г. А. Мамедова, канд. химич. наук, старший научный
сотрудник (Азербайджан).
Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).
Т. В. Ялялиева, канд. экон. наук, доцент (Йошкар-Ола).

© ООО «Коллоквиум», 2011

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	RUSSIAN HISTORY COLUMN
О. В. Воробьева	О. V. Vorobieva
Предпринимательский мир Русской Америки XX века: социальная база, менталитет, деловая культура.	Business world of Russian America of the XX century: social base, mentality, business culture.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	EDUCATION
Е. В. Оборина	E. V. Oborina
Некоторые вопросы воспитания культуры межнационального общения в семье.	Certain issues of fostering the culture of interethnic communication within a family.
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	PHILOLOGY ISSUES
Е. Г. Фомина	E. G. Fomina
Частная и общая эсхатология в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты».	General and particular eschatology in V. P. Astafiev's novel «Cursed and killed».
Ю. С. Гаврикова	Yu. S. Gavrikova
Англоязычные антиутопии как поле для исследования интертекстуальности.	English dystopias as a field for studying intertextuality.
М. А. Кобозева	M. A. Kobozeva
Понятие дискурса в современной лингвистике.	The concept of discourse in contemporary linguistics.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ	POLITICAL INSTRUMENTS, PROCESSES AND TECHNOLOGY
А. С. Ларионова	A. S. Larionova
Стратегическое планирование развития мегаполиса: теория и практика (на примере Москвы).	Strategic planning of megalopolis development: theory and practice (Moscow case study).
СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД	FRESH VIEW
М. В. Жуков	M. V. Zhukov
История возникновения и современные трактовки понятия «лоббизм».	Origin and modern interpretation of the «lobbyism» concept.
А. В. Веселов	A. V. Veselov
Взаимопроникновение субъекта и объекта в социоинженерной деятельности.	Subject and object interpenetration in social and engineering activity
<i>Информация для авторов</i>	<i>Information for the authors</i>

СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 970+008(470)

О. В. Воробьева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ МИР РУССКОЙ АМЕРИКИ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА, МЕНТАЛИТЕТ, ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА

Статья посвящена особенностям формирования и эволюции частного предпринимательства в среде российской диаспоры в США и Канаде в течение XX века, деятельности коммерческих фирм и предприятий, основанных российскими эмигрантами-представителями различных миграционных волн.

Ключевые слова: *российское зарубежье, Северная Америка, Русская Америка, частный бизнес, предпринимательство.*

Характер и степень развития частной предпринимательской инициативы в социуме Русской Америки определялись, с одной стороны, количественными и качественными параметрами иммиграционных потоков, с другой – спецификой экономической и общественно-политической ситуации в Соединенных Штатах и Канаде в тот или иной исторический период.

Первые ростки российского предпринимательства в Северной Америке можно отнести к периоду XVIII-начала XIX, когда на Аляске появляются русские первопроходцы. «Россия была обязана своей американской колонией инициативе и предприимчивости частных лиц, поскольку двор в Санкт-Петербурге обращал мало внимания на свои американские владения более полусотни лет после последней экспедиции Беринга» [2, с. 6]. Однако созданные ими поселения и последующая деятельность Российско-Американской компании не стали устойчивой основой для развития экономической деятельности российских колонистов. В XVIII-XIX веках деловая активность русских колонистов в Америке сводилась к промыслу пушнины и других природных богатств [19, с. 28].

В последней четверти XIX-начале XX в. началась массовая эмиграция из России в Северную Америку, причем большинство мигрантов составляли выходцы с территории Украины, Белоруссии и Польши, главным образом – представители крестьянства и ме-

шанского сословия. Если в 1870 г. в Соединенных штатах по официальным данным проживало 4600 выходцев из России, в 1880 – 36 000, в 1890 – 183 000, в 1900 – 480 000, а в 1910 г. – 1 184 000 человек [16]. Основная часть русской колонии в США и Канаде возникла за счет трудовой и религиозной миграции. В то же время, Америка привлекала представителей лево-либеральных и социал-демократических движений, эмигрировавших в 1880-1890-х гг. и после первой русской революции 1905-1907 гг. Среди российских политических эмигрантов дореволюционной эпохи в США и Канаде присутствовали лица различных профессий и социального происхождения – от профессиональных революционеров до бывших офицеров царской армии [15]. Со случайных заработков и неудачной попытки заняться фермерством начинал свою жизнь в Америке российский полковник И. В. Турчанинов (1822-1901) – будущий бригадный генерал армии А. Линкольна Дж. Турчин, прославившийся в годы Гражданской войны в США 1861-1865 гг.

Результаты проводившихся американскими учеными историко-социологических исследований, а также свидетельства мемуаристов и публицистические источники первой четверти XX века, позволяют сделать вывод о том, что для большинства иммигрантов из Российской Империи, так же, как и для выходцев из других стран Старого Света, переезд в Америку не приводил к улучшению их социального статуса и материального положения. Подавляющее большинство бывших российских крестьян и ремесленников пополняли контингент фабричных рабочих и другого низко квалифицированного наемного персонала. Посетивший США в 1926 г. З. Ю. Арбатов, отмечал, что лишь немногим российским иммигрантам удалось вырваться из своего социального слоя. Молодежь дореволюционной волны в основном оставалась на фабриках и в мастерских, «в лучшем случае пробиваясь на мелкой торговле» [3, с. 7].

Лишь незначительная часть иммигрантов из России переходила в разряд мелких и средних предпринимателей, которые действовали преимущественно в сфере розничной торговли и услуг в рамках диаспоры. В целом, первой четверти XX века в рамках Русской Америки сложилась довольно немногочисленная, но устойчивая предпринимательская прослойка, представители которой смогли интегрироваться в американскую деловую среду при коммерческой ориентации на потребности российских общин, существовавших в этот период во всех крупных городах и ряде сельскохозяйственных регионов США и Канады. Информация о русских магазинах, оптовых складах, посреднических фирмах и т.п. публиковалась в русскоязычной прессе в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско. Часть российских иммигрантов смогла воспользоваться преимуществами, которые давало американское законодательство предоставляло, тем кто осваивал новые территории, создавая новые фермы, поселки, предприятия. Федеральный закон США о земельных наделах, так называемый «Гомстед-Акт» (от homestead – усадьба, участок), вступил в силу 1 января 1863 года и действовал до 1976 г., а на территории Аляски – до 1986 г. Согласно этому закону каждый американский гражданин, достигший совершеннолетия и не воевавший на стороне южан против Севера, мог получить участок земли не более 160 акров (65 га) на Среднем Западе. Для этого надо было уплатить регистрационный сбор в размере 10 долларов. По истечении пяти лет поселенец, приступивший к обработке земли и начавший возводить на ней строения, получал бесплатно право собственности на этот участок. Участок мог быть приобретен в собственность и досрочно, при уплате 1,25 доллара за акр.

Большинству российских предпринимателей в США и Канаде приходилось подниматься с самых низов социальной лестницы, как, впрочем, и многим выдающимся

представителям американского бизнеса, в соответствии с каноном «великой американской мечты».

Дореволюционная российская эмиграция в США дала несколько выдающихся примеров предпринимательского успеха, таких как П. А. Дементьев (1850-1919) – крупный промышленник, основатель американского города Санкт-Петербург на берегу Мексиканского залива. Прибыв в США в 1881 г., в течение нескольких лет он прошел путь от фермера и совладельца небольшой лесопилки до преуспевающего застройщика и мэра городка Лонгвуд, который возник, в значительной степени, благодаря коммерческой активности Дементьева. Вероятно, в данном случае огромную роль сыграло не только исключительное трудолюбие Дементьева, но и те навыки организаторской и хозяйственной работы, который он приобрел в России в 1870-х гг., находясь на посту предводителя дворянства и председателя земской управы Весьегонского уезда Тверской губернии [14]. Надо учитывать и тот факт, что Дементьев, в отличие от общей массы трудовых мигрантов, прибыл в США не с пустыми руками, имея при себе некоторую сумму денег, которая позволила ему с семьей обустроиться на новом месте.

В 1912 г. в Америку прибыл Федор Степанович Бондарчук – 22-летний юноша из крестьянской семьи Волынской губернии, рано оставшийся сиротой. Будучи почти неграмотным, он работал на лесозаготовках, рудниках, строительстве дорог и т.п. Через шесть лет он купил автомобиль и начал изучать его устройство, одновременно усиленно занимаясь английским языком, чтобы открыть собственное дело. Предприимчивый россиянин приобрел участок земли в Трентоне (штат Нью-Джерси), на котором возвел обширный гараж и начал торговлю автомобилями фирмы «Шевроле», добившись поставок непосредственно от производителя, без посредников. В 1918 г. оборот капитала фирмы Бондарчука составлял 2 тысячи долларов, на ней трудилось кроме владельца трое наемных работников. Первоначальные успехи были скромными: в 1922 г. удалось продать 5 автомобилей. Однако в последующие десятилетия Бондарчук упорно продолжал развивать свое предприятие, оборот которого в 1957 г. составил 3,5 млн. долларов. На фирме работали 75 квалифицированных техников, механиков и служащих. Биографы Ф. С. Бондарчука отмечали, что его предпринимательская философия заключалась в «вере в здоровые деловые принципы, вере в себя и непреклонной воле к действию, честности и доверию» [1, с. 70].

Со скромной суммы в 250 долларов начиналось развитие компании для строительства испарителей и охладительных башен Baltimore Aircoil, основанной в 1938 г. И. И. Енгальчевым (1907-1984). Прибыв в США с родителями в 1924 г., он окончил университет Джона Гопкинса в Балтиморе по специальности инженера-механика и начал работать в области производства холодильных установок. Основанная им компания к началу 1970-х гг. имела отделения в Калифорнии, Канаде, Австралии и Южной Африке и давала до 40 млн. долларов прибыли.

Аналогичные примеры имеются в истории российской эмиграции «второй волны». Так, например, Анатолий Аксенов (1916-1983) – бывший советский военнопленный, начинал свою карьеру в качестве лесоруба, затем окончил курсы электромонтеров. Заработав немного денег, он открыл собственное небольшое электротехническое предприятие, а затем занялся куплей-продажей недвижимости. «Его личная инициатива, напоминая деятельность дореволюционных русских купцов, выходцев из народа, вывела его к концу 1950-х гг. в ряды канадских миллионеров» [1, с. 13].

В начале 1920-х гг. в Северную Америку стали прибывать группы российских беженцев из Европы, Китая, Японии. Особенно желанной Америка была для российских

эмигрантов, оказавшихся после эвакуации Крыма в 1920 г. в Константинополе в крайне тяжелых условиях. В течение 1922 г. индивидуальным порядком отсюда выехало в Соединенные Штаты 396 человек, из них 196 мужчин, 128 женщин и 72 ребенка. Канадские визы за этот период получило всего 5 человек [7, л. 65-66]. Для переезда в США или Канаду нужны были средства, а большинство беженцев находилось в материально стесненном положении. Значительная часть переселенцев воспользовались содействием международных и российских эмигрантских гуманитарных организаций – Красного Креста, АРА, ИМКА, Земгора и т.п. В середине 1920-х гг. «во всех портах Европы томятся десятки тысяч русских эмигрантов, имеющих на руках оплаченные билеты и Америки и affidavits от родственников и вызовы, но их не пускают из-за квоты» [3].

Послереволюционную эмиграцию составляла, главным образом, интеллигенция, включая ряд выдающихся ученых, а также чиновничество, офицерство и купечество [6, л. 293, 295]. Многие представители вышеназванных сословно-профессиональных групп должны были начинать в Америке свою карьеру заново, но если эмигранты уже имевшие опыт торгово-предпринимательской деятельности довольно быстро приспосабливались к деловой культуре США, то интеллигенция и офицерство испытывали довольно значительные психологические трудности. Тем не менее, часть из них пополнила ряды мелких предпринимателей Америки [8].

В отличие от иммиграции конца XIX-начала XX вв. представители послереволюционной волны, в большинстве своем обладали высоким образовательным цензом и социальными амбициями, хотя и готовы были на первых порах на любую работу. Так, в документах Комитета по расселению русских беженцев сохранились записи вопросов, интересовавших тех, кто собирался выехать в Канаду. В том числе, они спрашивали о возможности трудоустройства в качестве чертежника, каменщика, механика, шофера, токаря-фрезеровщика, слесаря, опытного лошадиного и т.п. Женщины хотели бы получить место домашней воспитательницы или швеи [7, л. 116]. Такой перечень кажется не соответствующим обычным представлениям о пореволюционной эмиграции, как о массе, в основном, образованных интеллигентных людей. Однако, необходимо учитывать тот факт, что в Константинополе в этот период скопилось довольно много бывших военнопленных и других лиц, которые оказались за границей в связи с событиями Первой мировой войны и не хотели возвращаться в Россию. Кроме того, некоторые успели получить новые специальности на открывавшихся для беженцев профессиональных курсах.

Выходцы из России создавали в США и Канаде собственные коммерческие предприятия – мастерские, магазины, рестораны, нотариальные конторы, посреднические фирмы, страховые и транспортные агентства, аптеки, медицинские кабинеты и т.п. В 1923 г. в Нью-Йорке действовали Русский национальный книжный магазин, Русская Петроградская фабрика гармоний Владимира Кулагина, русская аптека провизора Воронова, ресторан «Маяк». В Кливленде работала «единственная русская шинная мастерская» И. Луцевича и действовала русская типография. В Нью-Хейвене в конце 1920-х гг. существовал русский ресторан Григория Дейнуса, страховое агентство Ивана Кривошея, русская фотография, издательство «Друг» и типография И. И. Гуцула и пр. Издатели-просветители И. Дзиоменко и П. Козлов имели в Нью-Йорке свою домостроительную фирму, строили дома и гаражи, согласно их рекламному объявлению, «изящно, прочно и дешево» [10, с. 18]. Гвардии полковник К. С. Султан-Гирей являлся владельцем конюшен в Нью-Йорке [5, л. 17]. В 1920-е гг. в российской колонии в Нью-Йорке были известны крупный судостроитель А.Н. Власов, «зажиточные старые коло-

нисты» А. А. Орлов, П. Г. Брода и Р. И. Шилай, адвокат князь Д. Г. Эристов, банкир В. В. Хвощинский, в Канаде, в Ванкувере – предприниматель М. И. Айвазов [6, л. 280] и др.

Нередко на создание своего дела направлялись усилия всей семьи, причем в условиях американской провинции иммигрантам удавалось совмещать наемный труд с постепенным вхождением в частный бизнес. Согласно наблюдениям американского ученого Стэнфорда Нейла Гербера, исследовавшего жизнь «русского села», сложившегося в 1920-е гг. при одном из промышленных городов США [20], становление семейного бизнеса здесь происходило следующим образом: «Муж полное рабочее время был занят на консервной фабрике или железной дороге, а вечерами и в воскресенье – своим бизнесом, а иногда его днем заменяла жена. Либо последняя полное время работала в американской компании, а муж часть времени работал на железной дороге, а остальное время занимался своим «делом». Когда же «дело» крепло, муж полностью отдавался ему. Первоначальную финансовую поддержку такому бизнесу оказывал местный банк» [13, с. 126].

Наиболее существенную роль в истории российского интеллектуального предпринимательства в США и Канаде сыграла потребность американской экономики в новых технологиях. Для русско-американских научных кругов была характерна не только исследовательская и преподавательская, но и деловая активность.

Нередко российские эмигранты, объединяли свои профессиональные навыки и скромные капиталы для создания коммерческих предприятий. Так, например, в 1922 г. группа русских инженеров-эмигрантов создала в Филадельфии фирму, которая занималась уравниванием машин и устранением вибраций. В ней в 1922 г. сотрудничал С. П. Тимошенко [17, с. 624]. Инженер-механик Н. М. Чупраков совместно с эмигрантом из Ростова К. Земельсом основал в 1952 г. в штате Миссури машиностроительную компанию, которая внедрила в производство технологию, разработанную другим инженером-эмигрантом К. Н. Неклютиным. Последний к этому моменту занимал должность вице-президента фирмы Universal Match Corporation. Созданная ими компания успешно развивалась и вскоре имела фабрики в штатах Коннектикут и Миссисипи, а также в Бельгии и Германии.

Одной из социальных групп российской эмиграции, активно внедрявшейся в мир американского бизнеса, стала аристократическая молодежь. Образованные, владевшие иностранными языками, имевшие с детских лет опыт пребывания за границей, молодые люди из знатных российских семей легко входили в «высший свет» американского общества, и создавала собственные элитарные кружки. В то же время, многим представители данной социальной группы охотно занимались бизнесом, приобретали новые специальности. Так, например, выпускник Морского корпуса А. Г. Тарсаидзе стал в США торговым агентом фирмы «Картъе», а затем вместе с князем С. Оболенским создал довольно успешную фирму «Паблик рилейшн» [18, с. 228, 233].

Одним из главных компонентов процесса развития частного предпринимательства в Русской Америке является специфика восприятия американской деловой культуры различными волнами российской эмиграции. Следует отметить, что это явление имело, в значительной степени, противоречивый характер. С одной стороны, для российских эмигрантов XIX-начала XX вв. и послереволюционной волны, особенно для представителей крестьянства и купечества, адаптация к американской деловой культуре была в значительной степени проще, чем для позднейших выходцев из СССР. Эмигранты, выросшие в дореволюционной России либо в семьях российских беженцев в Европе или

Китае, имели представления о частной собственности и предпринимательстве, характерные для буржуазного общества, часть русских американцев являлась носителями тех традиций русского купечества, которые вполне органично сочетались с американским духом предприимчивости. Совпадали и некоторые бытовые традиции коммерческой среды, например, заключение сделок во время совместных ланчей в ресторанах. Американский континент стал последним пристанищем для ряда российских предпринимателей, действовавших в межвоенный период в Европе и Дальневосточном регионе. Так, например, последние десять лет жизни провел в Нью-Йорке владелец парижской «Иллюстрированной России» Б. А. Гордон (1881-1952) – в дореволюционный период крупный коммерсант и издатель.

В то же время, ментально-психологические особенности российской эмиграции, прежде всего, дворянской и разночинской интеллигенции нередко препятствовали ее приобщению к миру частного бизнеса США и Канады.

Частным бизнесом в Америке наиболее успешно занимались иммигранты из России во втором и третьем поколении, особенно те, кто строил свою карьеру вне диаспорального пространства. В частности, социологическое обследование русской общины Миннеаполиса, проведенное в конце 1950-х гг., показало, что собственным бизнесом или капитальным оборудованием владели 10% иммигрантов в первом поколении, 14% - иммигрантов во втором поколении, живущих в составе компактной общины, и 26% иммигрантов второго поколения, вышедших из состава общины [13, с. 123].

В ряде случаев российские эмигранты вынуждены были заниматься коммерческой деятельностью нелегально. Например, танцор и балетмейстер Борис Волков (1902-1973), после того, как иммиграционные власти США предложили ему вернуться в СССР, тайно пересек канадскую границу. В Канаде он основал сначала балетную школу, а затем «Балет Бориса Волкова», Лишь после этого ему удалось легализовать свое положение в Канаде, где он в течение четырех десятилетий занимался преподавательской деятельностью. В 1973 г. за его педагогическую и творческую деятельность Б. Волков был награжден высшим орденом Канады.

Важным аспектом темы является образовательный уровень американских предпринимателей российского происхождения. Наряду с бизнесменами-самородками, поднявшимися из низов, исключительно благодаря коммерческой хватке и трудолюбию, российская диаспора в США и Канаде дала деловому сообществу этих стран довольно многочисленный корпус специалистов с высшим образованием и учеными степенями. Это была профессиональная подготовка высокого качества, полученная старшим поколением в дореволюционной России, более молодыми иммигрантами – в Европе и непосредственно в США, а представителями миграционных потоков второй половины XX века – в СССР. При этом те ученые и инженеры, которые, обосновавшись в Америке, решались попробовать себя на ниве частного предпринимательства, стремились поступить на службу в коммерческие фирмы или банки, нередко получали второе образование в области бизнеса и финансов, что значительно повышало их профессиональную востребованность и шансы на коммерческий успех.

Необходимо также подчеркнуть, что российские эмигранты в США и Канаде, наряду с созданием собственных предприятий и фирм, во многих случаях занимали и занимают крупные и ответственные посты в структурах американского бизнеса – промышленных и торговых компаниях, банках и т.п.

Путь в частный бизнес для российских эмигрантов в США и Канаде во многих случаях был связан с подтверждением или получением новой профессиональной ква-

лификации в соответствии с американскими стандартами. Так, «каждому врачу и педагогу в США пришлось переучиваться, подтверждать свой диплом, полученный в СССР. А каждому автомеханику было необходимо получить в США лицензию (лицензию – О. В.) путем обучения на курсах для обслуживания и ремонта автомобилей. При изучении правил ведения бизнеса в США всем вновь прибывшим иммигрантам было необходимо пройти курсы повышения квалификации и изучать правила бухучета в США, а также основы науки управления и маркетинга» [12].

Таким образом, как и в американском бизнесе в целом, в мире частного предпринимательства российской эмиграции в США и Канаде наблюдалась активная социальная динамика: деловое сословие пополнялось выходцами из фабричных и сельскохозяйственных рабочих, а также интеллигенции, служащих, бывших военных и т.п.

Значительную часть предпринимательского корпуса Русской Америки, начиная с 1920-х гг. составляли российские ученые, специалисты в области технических и естественных наук, которые благодаря высокой профессиональной квалификации и востребованности своих знаний, создавали собственные фирмы и компании в США и Канаде. Одновременно происходил неизбежный процесс разорения и появления новых коммерческих предприятий, создававшихся представителями российской диаспоры. При этом некоторые средние и крупные компании, у истоков которых стояли русские американцы, продолжали развиваться и процветать в течение десятилетий.

Библиографический список

1. Александров, Е. А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005.
2. Алексеева, Е. В. История Русской Америки в англоязычной историографии 1950-1980-х гг. – Екатеринбург, 1992.
3. Арбатов, З. Ю. Без неба (В Америке). – Берлин: Чужбина, 1926.
4. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732-1799. – М., 1991.
5. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп.1. Д. 122.
6. ГАРФ. Ф.Р-5826. Оп.1. Д.126.
7. ГАРФ. Ф.Р-6425. Оп.1. Д.20.
8. Еришов, В. Ф. Адаптация российской военной эмиграции в 1920-1930-е гг. // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): исторические очерки. – М., 2006.
9. Еришов, В. Ф. Повседневная жизнь российской военной эмиграции в 1920-1939 гг. (предпринимательство, быт, сервис) // Проблемы истории сервиса. Всероссийская научная конференция. – М., 2003.
10. Зарница. – Нью-Йорк, 1926. – Декабрь. – Т. 2. – № 16.
11. История Русской Америки (1732-1867): В 3-х томах. – Т. 1. Основание Русской Америки (1732-1799) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. – М., 1997.
12. Мотылев, В. Проблемы малого бизнеса у иммигрантов в США. URL: <http://www.westeast.us/15/article/937.html>.
13. Нитобург, Э. Л. Из истории русских общин в американском городе // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2.
14. Поведская, И. Весеьгонский американец. – Тверь, 2008.
15. Постников, Ф. А. Полковник-рабочий (из жизни русских эмигрантов в Америке) / Изд. Русского Литературного кружка. – Беркли (Калифорния).
16. Русский календарь-альманах = Russian-American calendar-almanac: Справочник на 1932 год. – Нью-Гейвен (New-Heven), 1931.
17. Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. – М., 1992.

18. Щербатов, А. П. Криворучкина-Щербатова, Л. Право на прошлое. – М., 2005.
19. Brooks, A. H. History of Explorations and Surveys // Alaska and Its History. – Seattle: Ed. by M.B. Sherwood, 1967.
20. Stanford Neil Gerber Russkoya Celo. The ethnography of a Russian-American Community.– N.Y., 1985.

Статья поступила в редакцию 08.08.2011.

ВОРОБЬЕВА Оксана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТиС).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 379.8.093

Е. В. Оборина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СЕМЬЕ

В статье рассматриваются проблемы воспитания культуры межнационального общения в семье. По данной теме представлены результаты исследования детей старшего дошкольного возраста и их родителей.

Ключевые слова: *толерантность, национальное сознание, национальное самосознание, межнациональное общение, дошкольник, воспитание в семье.*

**«Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы,
плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного:
научиться жить на земле как люди».**

Б. Шоу

В «Декларации принципов толерантности», принятой и подписанной в Париже 16 ноября 1995 года 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая Россию, говорится, что *толерантность означает уважение к разнообразию мировых культур, цивилизаций и народов, готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, которые различаются по внешности, языку, убеждениям, обычаям, верованиям.*

Национальное сознание, национальное самосознание, культура межнационального взаимодействия – сегодня вряд ли кто-нибудь усомнится в актуальности этих понятий в жизни современного человека. Межнациональные конфликты как следствие отсутствия культуры межнациональных отношений – печальная реалья сегодняшнего дня. Один из путей выхода из кризисных ситуаций в межнациональных отношениях – этическое воспитание, сориентированное на межнациональное общение, причем начиная с самого раннего дошкольного возраста.

Как показывают исследования отечественных авторов, трех-четырёхлетний ребенок уже вступает в первую стадию политического развития, когда у него зарождается чувство национального самосознания. В этом возрасте его еще характеризуют эмоцио-

нальная отзывчивость, открытость, доверчивость и отсутствие этических стереотипов, что позволяет ему вступать в свободное общение с людьми разных национальностей.

Формирование национального сознания, национального самосознания и культуры межнационального общения начинается с семьи. В семье ребенок получает первые представления о родном языке, родной культуре, традициях и обычаях своего народа. От родителей он узнает о существовании других народов, отличающихся от его собственного, по языку и культуре. В разнонациональной семье ребенок получает первые модели отношений между представителями различных наций [1, с.120].

Неприятие людей другой расы, другой этнической общности, другой религиозной культуры признак недостаточной воспитанности, которая в первую очередь закладывается в семье [1, с. 117].

Опрос детей старшего дошкольного возраста (30 человек), посещающих детский сад, показал, что о своей этнической принадлежности знает большинство детей – 86,6% из числа опрошенных.

Для выявления насколько дети осведомлены о представителях разнонационального окружения, детям был задан вопрос «*Какие национальности ты знаешь?*». Опрошенные дети назвали: русские – 86,6%; чеченцы – 26,6%; татары – 9,9%; китайцы – 23,3%; турки – 13,5%; японцы – 9,9% детей.

На вопрос «*От кого ты узнал о других национальностях?*» дети отвечали: «смотрел по телевизору» (чеченцы, японцы, китайцы) – 59,9%; «родители про них говорили» (чеченцы, китайцы) – 53,3%; «мы ездили к ним, ездил кто-либо из близких» (турки) – 19,9%; «бабушка говорит, что я такой национальности» (русские, татары) – 13,3%; «рассказывала воспитательница в детском саду» (русские, татары, китайцы) – 46,6% детей.

Основные называемые детьми признаки людей другой национальности - цвет кожи, особенности их одежды и причёски.

Анализ развития национального чувства у дошкольников показал: положительное отношение ко всем национальностям у 53,3% детей; из предложенных 6 национальностей антипатия к одной национальности у 19,9%; из предложенных 6 национальностей антипатия к двум у 16,6%; из предложенных 6 национальностей антипатия к трём и более у 9,9% опрошенных детей.

В результате опроса отмечено, что дети, в основном, передают ту информацию, которую они слышат от окружающих. Нередко, в семье говорят не о плохом человеке, неумелом работнике, а о «плохом» русском, китайце, узбеке. В результате чего отрицательное отношение к отдельным национальностям, обусловлено родительским влиянием. Дети впитывают такие националистические оценки родителей, воспринимают их негативное отношение к людям другой национальности.

С целью изучения проблемы воспитания культуры межнационального общения в семье был проведен опрос к родителей данных детей (33 человека). Данный опрос показал, что разговаривая с ребёнком о представителях другой национальности, 36,3% родителей советуют детям быть с ними настороже, не дают никаких советов 54,5% родителей, советуют быть терпимыми к их национальным особенностям – 9% опрошенных родителей. На вопрос «*Раздражает ли вас, когда люди другой национальности говорят на своём языке, а остальные не понимают?*» утвердительно ответили 36,4%; отрицательно 63,3% опрошенных родителей. На вопрос «*Рассказываете ли вы ребёнку о традициях, обрядах, праздниках людей других национальностей?*» большинство родителей ответили отрицательно – 75,7%; положительно ответили – 24,2% опрошенных

родителей. Также большинство отрицательных ответов (63,6% опрошенных родителей) было на вопрос «*Знакомите ли вы ребёнка с народным творчеством и искусством других национальностей?*». В основном положительные ответы были у представителей разнонациональных семей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что многие родители относятся равнодушно или настороженно к представителям других национальностей, часть опрошенных родителей относится к ним предвзято. Это сказывается на воспитании у детей эмоционально-положительного отношения к людям других национальностей.

Ян Амос Коменский, отводивший огромное значение воспитанию в семье, роли отца и матери, пишет: «Показав, что райские растеньица – христианское юношество – не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной нравственной и святой жизни» [2, с. 62].

По словам автора, «какими бы прекрасными ни были наши школьные учреждения, самыми главными «мастерами», формирующими разум, мысли малышей, являются мать и отец. Семейный коллектив, где ребенка вводят в мир зрелости и мудрости старших, – это такая основа детского мышления, которую не может заменить в этом возрасте никто...» [3, с. 23].

Воспитание толерантной личности – сложный процесс, который осуществляется под влиянием социальной действительности и общества, в котором живет ребенок, общения со сверстниками и взрослыми, но в первую очередь взаимоотношений в его семье, взглядов и отношений ее членов к другим людям и обществу в целом.

В заключение хочется процитировать слова Х. Канна: «Дитя, дай мне руку, чтобы я мог идти в лучах твоей веры в меня!»

Мы вместе должны помочь нашим детям овладеть навыками групповой коммуникации, умением критически мыслить, знаниями в области культуры, политики, прав человека, национальных отношений.

Библиографический список

1. *Кукушин, В. С.* Воспитание толерантности личности в поликультурном социуме, пособие для учителя. – Ростов н/Д: ГинГо, 2001. – 404 с.
2. *Пискунов, А. И.* Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. – М.: Просвещение, 1981. – 91 с.
3. *Сухомлинский, В. А.* Родительская педагогика // Избранные педагогические сочинения в 3 т. – Т. 3. – М., 1981. – 436 с.

Статья поступила в редакцию 07.08.2011.

ОБОРИНА Елена Владимировна – аспирант Пермского государственного педагогического университета.

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 821.161.1(092)

Е. Г. Фомина

ЧАСТНАЯ И ОБЩАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

В статье рассматривается частная и общая эсхатология, нашедшая свое отражение как во взглядах В. П. Астафьева, так и в его романе «Прокляты и убиты». Творчество писателя отражает общие мировоззренческие тенденции, наметившиеся к концу 1990-х годов.

Ключевые слова: эсхатология, частная эсхатология, общая эсхатология, В. П. Астафьев, роман «Прокляты и убиты», герои романа.

В творчестве В. П. Астафьева выделяют три этапа, связанных и с кардинальной сменой места жительства, и с жанровой и философской эволюцией авторского наследия (Гончаров П. А.). Вместе с этим отмечают наметившуюся с середины второго периода тенденцию к описанию недостатков и проблем общества, менталитета русского человека, дисгармонии внутреннего мира человека. Поэтому в прозе В. П. Астафьева выделяют эсхатологические мотивы и образы. В контексте творчества последних лет автора роман «Прокляты и убиты» (1990-1994 гг.) содержит особую антивоенную эсхатологию.

В частности, Цветова Н. С. отмечает, что ощущения эсхатологичности присутствовали в обществе довольно долгое время, а 1990-е лишь позволили их открыто выразить в продуктах творчества. Следует отметить также, что «историко- и теоретико-литературные стереотипы, возникшие в советскую эпоху, оказались настолько мощными и жизнеспособными, что и в условиях преодоления многих идеологических табу они продолжают оставаться серьезным препятствием, в частности, при исследовании бесспорно, однозначно проявляющихся эсхатологических установок безрелигиозного или неконфессионального сознания, воплощенного в недемонстративном, глубинном модусе». [1, с. 1]

Задуманная еще в 1970-е и отражающая биографию писателя, книга «Прокляты и убиты», как и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, не была завершена согласно авторскому

замыслу. Ранее написанная третья часть романа предполагала повествование о послевоенной жизни выживших солдат, их адаптации. Но пока В. П. Астафьев работал над первой и второй книгами, его отношение к написанному, героям изменилось. Солдаты, прошедшие «Чертову яму», жестокую битву на Великокриницком плацдарме, уже не могли остаться полноценными людьми, «стать своими» в обычной жизни. Именно так считал автор и не видел их будущего, в чем приблизился к зарубежным авторам прозы о «потерянном поколении». Ощущение упадка сил, падения нравов в стране, мельчание души человеческой, утопичность какой-либо надежды на благополучие, богооставленность страны нашли отражение в романе. В письме 1988 года В. Я. Курбатову В. П. Астафьев писал: «Давит так называемый опыт, и на сердце нет того светлого света и восторга от жизни, просто от жизни, от радости творчества, удачно выдуманного и запечатленного твоей памятью прошлого, то есть счастья, которое испытывает художник при виде красок, да еще и в солнечном свете». [2, с. 413] А уже в 1992 году письмо из Красноярска В. В. Миронову было полно абсолютного разочарования и горечи: «В остальном жизнь идет, как везде, смутно, тревожно, на грани отчаяния. Но жить-то надо. Детей растить надо. Значит, терпи, двигайся дальше вместе со своим совсем уже разнесчастным, деморализованным народом, не зная даже, есть ли у него будущее. Одно ясно: великим народом он уже никогда не будет, сейчас он просто население, стадо, которое куда ломтем хлеба помянут, туда он и потопает, за очередным «кормильцем». Возрождение нашего народа, если Бог ему пособит, будет мучительное и длительное, и вернется к себе русский народ совсем уже другой дорогой, особью и сообществом, пока не только неугадываемым, но и непредсказуемым. Никаких капиталистов из нас никогда не получится, а коммунистов, теперь уже и слепым дуракам ясно, не получилось. Так каков наш удел, путь, направление? И куда? Можем ведь в яме оказаться, называемой могилой. На какое-то время спасет нас возврат к церкви. А кто же наш народ, разучившийся работать, научит работать? Мы пока что губили и разворовывали до нас работанное и богом в наши недра помещенное и на земле возвращенное. А когда все разворуем, сожжем, сгноим, чем жить дети будут? Ох-хо-хо! Какое трагическое время подступило, начавшееся с оперетки под названием Октябрьская революция. Попрыгали, попели, красными тряпочками помахали, ляжками покрутили – и вот проснулись! Да и проснулись ли? Очень уж крепко мы любим спать, и боюсь, когда проснемся, даже матрац из-под нас уже будет вытасен и унесен.» [2, с. 486].

Эсхатологические мотивы, ставшие смыслообразующими в романе, классифицируются как на частные, так и на общие [3, с. 545]. Частная эсхатология присуща героям, способным к внутренней рефлексии, ставшим для автора значимыми. Она выражается в изменении взглядов на жизнь, в отношении к ней. Это, как правило, желание близкой смерти, безразличие ко всему и упадок сил. Первого героя с таким ощущением жизни мы встречаем на начальных страницах романа – Попцов и подобные ему. Герои, не сумевшие противостоять ни другим, ни собственному бессилию, морально разложившиеся. Их эсхатологичность мышления пугает и автора, и читателя сознательностью выбора и массовостью – «попцовцы».

Васконян, Финифатьев и др. – солдаты, ощущавшие собственную гибель. Их эсхатология уже от внутреннего ощущения близкой мирооставленности, богобоязненности, мыслей о судьбах друзей и мира после их смерти, своеобразный внутренний призыв своей кончины.

К особой эсхатологии как сознательному нежеланию, полному безразличию жить можно отнести восприятие действительности на исходе боев Лешкой Шестаковым:

«"Умру я, видать, скоро", – подумалось ему безо всякого страха, как о чем-то неизбежном и даже необходимым. Он знал, отлично знал: безразличие к себе, к смерти, ко всему, что происходит вокруг, – это медленно входящее в душу: "Хоть бы уж скорей убило..." – начиналось у него где-то на десятый день непрерывного пребывания в боях. На плацдарме хватило и недели, пятнадцать – двадцать минут в сутки сна-обморока, избавляющего человека от потери рассудка, но не снимающего усталости, – и вот человек готов в покойники. Добровольно, сам, махнувши на свою жизнь рукой, плохо чувствую себя в миру, готов он расстаться с душой и телом.» [4, с. 722-723]

Участвуя в военных событиях, герои В. П. Астафьева мало думают о будущем, надеются на счастливую жизнь. Мыслей о перспективах на послевоенной время вообще не возникает. Чувствуется какая-то обреченность во всех образах, авторском слове. Писатель, анализируя события прошлого, находит особую взаимообусловленность в изображении внутреннего мира героев и внешнего. Утверждает о неизбежности упадка человеческого достоинства, о пренебрежении ценностями, об эсхатологической тенденции в жизни.

Библиографический список

1. Цветова, Н. С. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX-начала XXI вв.: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2011. – 22 с.
2. Астафьев, В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952 – 2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
4. Астафьев, В. П. Прокляты и убиты: роман / В. Астафьев. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.

Статья поступила в редакцию 31.08.2011.

ФОМИНА Елена Геннадьевна – аспирант кафедры русской литературы Тюменского государственного университета.

УДК 811.111-26

Ю. С. Гаврикова

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ АНТИУТОПИИ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В данной статье рассматривается явление интертекстуальности на материале англоязычных антиутопий. Антиутопии выступают в двух ипостасях: как интекст, т.е. заимствующий текст, и как претекст, т.е. текст источник. Тексты источники, из которых антиутопиями заимствуются элементы, разнообразны, как и сами маркеры интертекстуальности. Аналогичное утверждение справедливо и для текстов, в которых антиутопии являются претекстами.

Ключевые слова: *интертекстуальность, антиутопия, интекст, претекст, маркеры интертекстуальности.*

Антиутопия – это понятие не только философско-социальное, но и литературное и лингвистическое. Недаром последние два десятилетия изучение антиутопии становится все более специализированным, на первый план выходят проблемы исследования текстовых явлений антиутопии, к которым и относится интересующая нас интертекстуальность.

Антиутопия возникает как реакция на произведения утопические, в этом жанре изначально заложена полемика с утопией, таким образом, антиутопия того времени, да и все последующие, неизбежно контактируют, цитируют и вступают в другие типы интертекстуальных взаимоотношений с утопией. Недаром один из ведущих исследователей жанра антиутопии Б. Ланин замечает в своей статье «Анатомия литературной антиутопии», что «не пояись жанра утопии, антиутопии могло и не быть. То есть не быть как жанра» [4]. Здесь же он выделяет черты антиутопии, которые превращают ее в самостоятельный жанр, среди которых ведущим является спор с утопией либо с утопическим замыслом, а также необходимость сравнения антиутопии с утопией.

Говоря о средствах, которыми достигается связь утопии с антиутопией, невозможно обойти стороной межтекстовые взаимодействия. Интертекстуальность широко используется различными авторами антиутопий, как средство осуществления связи с утопией. Проанализируем в данной связи следующий отрывок из романа «Люди как боги», в котором описывается государственное устройство Утопии и отношение утопийцев к централизованной власти:

No, the Utopians declared, there was no such concentration of authority in their world. In the past there had been, but it had long since diffused back into the general body of the community. Decisions in regard to any particular matter were made by the people who knew most about that matter.

Используя такой маркер интертекстуальности как аллюзия О. Хаксли в своем произведении «О дивный новый мир» отдает всю власть тем людям, которые «лучше других осведомлены в данном вопросе», но со свойственной антиутопии критичности,

ситуация доводится до того, что таких знающих людей на свете всего десять (*the Ten World Controllers*). Тот факт, что их всего десять, и что при этом они не просто захватили власть, а действительно являются людьми просвещенными и знающими, тоже имеет интертекстуальное обоснование в утопии.

For centuries now Utopian science has been able to discriminate among births, and nearly every Utopian alive would have ranked as an energetic creative spirit in former days. There are few dull and no really defective people in Utopia; the idle strains, the people of lethargic dispositions or weak imaginations, have mostly died out; the melancholic type has taken its dismissal and gone; spiteful and malignant characters are disappearing. The vast majority of Utopians are active, sanguine, inventive, receptive and good-tempered.

Претекст утверждает, что генетическое предопределение того, каким будет человек, должно быть направлено в первую очередь на совершенствование рода людского, тогда как в интексте, путем критической аллюзии достигается совсем иной эффект:

For of course, they didn't content themselves with merely hatching out embryos: any cow could do that.

"We also predestine and condition. We decant our babies as socialized human beings, as Alphas or Epsilons, as future sewage workers or future..." He was going to say "future World controllers," but correcting himself, said "future Directors of Hatcheries," instead.

Генетическое предопределение используется уже не для усовершенствования, а для жесткого контроля над созданием нового человека, который включает в себя абсолютно все стороны личности – от интеллекта до выбора будущей профессии, хотя понятие выбора как таковое нивелируется. Данный пример является характерным способом выстраивания отношений между претекстом, в том случае, если им является утопия, и интекстом. Интекст заимствует фактическое содержание прецедентного текста, давая ему противоположную оценку: то, что в утопии считается благом, доводится до крайности в антиутопии, приводя читателя к формированию отрицательной оценки. Именно интертекстуальность, таким образом, позволяет антиутопии выполнять одну из своих основных задач – доказать, что если предсказания, изложенные в утопиях, когда-нибудь сбудутся, то это приведет вовсе не к всеобщему благоденствию, а к значительным негативным последствиям. Следовательно, можно сделать вывод о том, что антиутопия как жанр не смогла бы существовать без межтекстовых связей с утопией и, следовательно, интертекстуальности.

Интертекстуальная связь антиутопии с утопией происходит, как правило, при помощи аллюзий с затемненной атрибуцией. Для того чтобы читатель смог проанализировать эту интертекстуальную связь, он должен обладать высоким уровнем интертекстуальной компетенции, иными словами, желательно, чтобы он был знаком с хотя бы некоторыми утопиями. Интертекстуальная связь между двумя жанрами имеет практически всегда критический оценочный характер. Автор антиутопии доказывает, что те факты утопии, на которые происходят аллюзии, могут и имеют негативные последствия. Имплицитность маркеров необходима для того, чтобы антиутопия оставалась самостоятельным жанром, а не критической статьей на утопию. Какая бы то ни было ссылка на источник является лишней с точки зрения стилистики текста и его жанровой самостоятельности, что делает текст еще более сложным и предъявляющим еще более высокие требования к интертекстуальной компетенции читателя. Зачастую некоторые фрагменты антиутопии можно назвать пародией на утопию в смысле их пародичности, то есть использования формы пародии без функции осмеяния по Ю. Н. Тыньянову [6, с. 345].

Итак, первым типом произведений, входящих в круг текстов, которые для антиутопии являются претекстами – это утопии. Характерно, что в антиутопиях интертекстуальность направлена не столько на конкретную утопию, как отдельное произведение, сколько на те ее черты, которые являются типичными для утопии вообще. Например, программирование сознания в том или ином виде встречается не только в романе «Боги как люди», но даже в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, где эта идея является по сути одной из центральных. Таким образом, в случае интертекстуальных связей между утопией и антиутопией мы говорим не о взаимодействиях конкретных произведений, а о родстве целых жанров, и, следовательно, жанровой интертекстуальности.

Межжанровые взаимодействия, проявляющиеся в антиутопиях, могут идти и в другом направлении. На страницах антиутопии могут происходить взаимодействия между самой антиутопией как разновидностью литературного жанра научной фантастики и другими жанрами, как литературными, так и научными, жанрами журналистики и т.д.

Как уже было сказано выше, первым, но далеко не единственным типом произведений, входящих в круг текстов, которые для антиутопии являются текстами-донорами – это утопии. Следовательно, необходимо определить тематику претекстов из которых происходит заимствование в антиутопиях.

Антиутопия обращается к широко известным прецедентным текстам, которые обладают ценностью для широкого круга людей, то есть к таким, которые являются значимыми для культуры в целом и чей срок жизни превышает, зачастую многократно, продолжительность жизни одного поколения. Источники интертекстуальности можно подразделить на две большие группы – тексты в широком и узком смысле слова.

К текстам в широком смысле слова относятся: упоминания географических объектов США, Британии и др.; упоминания исторических личностей (борцов за права человека, революционеров, политиков, полководцев и т.д.); упоминания деятелей культуры и искусства (писателей, поэтов, композиторов, художников, философов; событий их жизни и произведений); упоминания религиозных событий и деятелей (в основном имеющих отношение к христианству); упоминание исторических событий (в основном связанных с борьбой за права человека, революциями, сменами государственного строя).

К текстам в узком смысле слова относятся: религиозные произведения, в основном имеющие отношение к христианству (Библия. Евангелие и др.); философско-социальные, политические и экономические труды (от древних до современных), научные труды, произведения классической литературы; популярные песни; фольклор (песни, пословицы и поговорки, детские стишки и лимерики); гимны; рекламные тексты; фильмы и телепередачи; мифы и легенды, описания традиционных ритуалов.

Некоторые из вышеперечисленных источников становятся претекстами в антиутопических произведениях в соответствии с интертекстуальной традицией художественного текста вообще – едва ли можно представить себе произведение современной художественной литературы без межтекстовых взаимодействий с классикой. В то время как обращение к другим претекстам обусловлено философско-социальным подтекстом всех исследуемых нами антиутопий (например, обращение к политическим научным трудам).

Обращает на себя внимание тот факт, что реализация интертекстуальных взаимодействий между утопией как заимствующим текстом и претекстами осуществляется весьма широким спектром способов: цитаты, аллюзии, реминисценции, пародии, слова

с особыми коннотациями, краткое изложение, парафраз, пересказ, осмеяние и т. п. Необходимо определить превалирующие интертекстуальные маркеры.

Итак, прецедентные тексты, встречающиеся в антиутопиях обладают общекультурной ценностью и продолжительным сроком существования. А может ли сама антиутопия порождать интертекстуальность или даже прецедентность? Для этого она, по всей видимости, должна соответствовать определенным требованиям. Обращаясь к определению Ю. Н. Караулова, приведенному выше, по которому прецедентные тексты зафиксированы в сознании носителей языка и являются собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, стереотипы, марки для сравнения, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве, а также к трудам Красных В. В. и Захаренко И. В. можно сказать, что прецедентный текст должен соответствовать следующим требованиям:

- 1) знакомство с текстом большого количества людей;
- 2) многократная повторяемость;
- 3) использование в качестве марки для сравнения;
- 4) определенная эмоциональная и познавательная значимость [1], [3].

Хотя, по мнению некоторых исследователей, например, О. И. Соколовой, «прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса» [5], крупное литературное произведение, в данном случае антиутопия, едва ли может стать прецедентным текстом целиком, но оно может быть источником интертекстуальности и прецедентности. По всей видимости, для того чтобы какой-то текст смог выполнить данную функцию, он сам целиком должен, хоть и в меньшей степени, обладать вышеперечисленными качествами. По мнению Костомарова и Бурвиковой, например, одним из основных признаков текста, способного породить прецедентный текст, является его популярность [2].

Для того чтобы подтвердить правомерность причисления антиутопий к источникам прецедентных текстов необходимо доказать, что произведения данного жанра соответствуют вышеперечисленным критериям. Кроме того, необходимо определить какой уровень прецедентности будет характерен для прецедентных текстов из антиутопий, будут ли это общекультурные или групповые прецедентные тексты, или, скорее всего, и те, и другие в определенных пропорциях.

Первые два критерия прецедентности могут быть проиллюстрированы количественно и качественно. Мы считаем, что доказать то, что или иной текст обладает многократной повторяемостью и знаком большому количеству людей можно проанализировав тиражи и количество переизданий этого текста.

Так, например, первый же тираж романа «1984» – 25 500 экземпляров – разошёлся мгновенно. К концу года допечатки британского и американского тиражей составили примерно полмиллиона, кроме того, роман был переведен на 62 языка. В настоящее время общий тираж романа «1984» составляет 25 млн. по данным электронной энциклопедии «Википедия» [7]. А количество переизданий этого же романа составляет 292, включая переводные издания, по данным сайта <http://www.goodreads.com>.

Критерии знакомства большому количеству людей и многократной повторяемости представляется возможным отследить по еще одному признаку – включенности в рейтинговые списки, основанные на подсчетах тиража первого выпуска, тиража так называемой повторной допечатки (по заявкам магазинов), а также тиража и заявок других стран. Не менее показательными, с точки зрения первых двух критериев прецедентности, и, к тому же, учитывающими критерий эмоциональной значимости, являются рей-

тинговые списки, при составлении которых учитывается непосредственное мнение читателей, то есть проводится голосование. Особенно эффективным в данной связи является не просто прямое голосование путем выбора произведения, но выставление оценки каждому из предложенных произведений.

Что касается антиутопических произведений, то они очень часто оказываются включенными в различные рейтинговые списки, причем занимают в них далеко не последние места. Так, например, роман Р. Бредбери «451 по Фаренгейту» фигурирует в 14 из 22, рассмотренных нами списков, построенных на основе одного из двух вышеупомянутых критериев, а роман «О дивный новый мир» О. Хаксли в 17 из 22, тогда как «1984» появляется на разных местах во всех 22 списках. Привлекает также внимание тот факт, что некоторые из антиутопических произведений не попали в эти списки вообще.

Тематика интекстов, заимствующих элементы антиутопии, весьма разнообразна и включает в себя литературу и публицистику (политическую, социально-правовую, экономическую, юридическую); обзоры музыки, живописи и других видов искусства; музыкальные группы, исполнители и их произведения; названия компьютерных программ, игр и устройств, а также компаний их производящих; название блогов и форумов; название наград, проектов, компании; названия визуальных объектов (картин, фотографий, выставок и т.д.); фильмы, мультфильмы и телепередачи.

Некоторые антиутопии («1984», «Скотный двор», «О дивный новый мир») становятся источниками прецедентных текстов. Прецедентность, порожденная антиутопиями, представлена следующими текстами: «1984» – *War is Peace (201)*, *Ignorance is strength (348)* и *Freedom is slavery (178)*, прецедентными являются также следующие имена: *Big Brother (159)*, *Newspeak (314)*, *Doublespeak (351)* и *Thought police (360)*; «О дивный новый мир» – *Brave New World (86)*; «Скотный двор» – *Animal Farm (67)*, *Four legs good, two legs bad (227)*, *All animals are equal, but some animals are more equal than others (104)*. В процессе функционирования этих текстов они могут претерпевать следующие виды трансформации: отсутствие трансформаций, добавление после текста, добавление до текста, замещение, контаминация.

Таким образом, антиутопия успешно функционирует в сфере интертекстуальности в двух ипостасях: как интекст, т.е. заимствующий текст, и как претекст, т.е. текст источник.

Библиографический список

1. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С.105-126.

2. Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73-76.

3. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75.

4. Ланин, Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. – М., 1993. – № 5. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf.

5. Соколова, О. И. Использование прецедентных текстов в газетных заголовках. URL: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar09.htm.

6. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. – Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

7. Интернет энциклопедия. [сайт]. URL: www.wikipedia.org.

Статья поступила в редакцию 22.08.2011.

ГАВРИКОВА Юлия Сергеевна – соискатель кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета.

УДК 81-11

*М. А. Кобозева***ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

В статье рассматривается понятие дискурса в современной лингвистике. Приводятся определения и исследования термина «дискурс» крупнейшими исследователями в этой области. Рассматриваются определения дискурса с позиций прагмалингвистики, с позиций структурной лингвистики, с позиций когнитивной семантики.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный метод, научно-популярный дискурс, лингвистика, текст, когнитивная лингвистика.

Дискурсивные исследования XX века протекали в русле разных подходов к трактовке самого понятия «дискурс», что, определяло различающиеся предметные области лингвистических исследований. При этом именно дискурсивные исследования приводят в логическую взаимную связь такие направления в лингвистике, как лингвистическая прагматика (R. Stalnaker, Ф. Кифер, Г. П. Грайс, Дж. Аллен, Р. Перо), лингвистика текста (И. Р. Гальперин, В. Дресслер, Р. Барт, А. Вержбицкая), когнитивная лингвистика (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Т. ван Дейк, У. Кинч, О. Б. Йокояма), семантика языковых единиц (Н. Д. Арутюнова, П. Ф. Стросон, Е. В. Падучева, Б. Т. Алексеев), выявляя системные взаимодействия между системами и явлениями разного уровня (Т. Sanders, J. Oberlander), что придает лингвистике особую эвристическую значимость.

Впервые применение термина «дискурс» в лингвистике отмечено в 50-х годах XX века, и уже в это время мы наблюдаем две основных его трактовки: с одной стороны, Э. Бенвенист называет дискурсом речь, рассматриваемую в неразрывной связи с ее признаками принадлежности говорящему субъекту, с другой стороны, З. Хэррис применяет термин «дискурс» для обозначения языкового выражения, превышающего предложение, то есть фрагмента текста с точки зрения его линейной организации. Эти две трактовки отображают основные направления в современных дискурсивных исследованиях: 1) исследование речевых произведений с точки зрения их локальной связности и глобальной смысловой организации, 2) исследование речевых произведений и правил их применения в совокупности с социокультурными и когнитивными факторами, выступающими их естественными детерминантами. При этом объяснительная сила дискурсивного подхода, необходимость применения комплексных, междисциплинарных методов в исследованиях привлекли внимание крупнейших специалистов как в лингвистике, так и других гуманитарных наук.

Один из крупнейших авторитетов в социогуманитарной сфере современной науки М. Фуко посвятил определению дискурсивного метода, а также предмету дискурсивных исследований свою книгу «Археология знания». Определяя цели и задачи дискурсивных исследований, М. Фуко высказывает мнение, что одной из главных выступает задача описания дискурсивных событий, определяющих границы дискурсивных единств. С другой стороны, при описании дискурсивных событий одним из главных выступает вопрос о том, почему именно такие высказывания уместны или необходимы

в определенной ситуации и в определенное время. М. Фуко ставит целью комплексное исследование дискурса: исследование совокупностей дискурсивных единств высказываний, а также правил и условий, по которым возможны такие единства, причем под дискурсивными единствами понимаются не тексты, а объединения текстов [5].

Таким образом, одним из ключевых вопросов при определении предмета дискурсивных исследований выступает вопрос о том, что считать дискурсом. С одной стороны, в этом качестве рассматриваются объединенные на определенных основаниях совокупности текстов, с другой стороны, сам текст может рассматриваться как дискурс. Здесь следует обратиться к мнениям крупнейших отечественных исследователей в этой области.

Е. С. Кубрякова пишет о дискурсе как о тексте, семантическое пространство которого связано «тысячью нитей с условиями его создания, целями и задачами данного текста в связке с аналогичными для него текстами» [2]. Здесь мы наблюдаем сходство взглядов Е. С. Кубряковой и М. Фуко в той их части, где дискурсивный подход предполагает исследование совокупностей текстов, определенным образом связанных между собой. Между тем процессуальное понимание дискурса отличает концепцию Е. С. Кубряковой от концепции М. Фуко, что можно объяснить общей когнитивной направленностью первой, то есть теории Е. С. Кубряковой. В частности, она считает, что дискурсивный подход предполагает исследование самого процесса порождения и понимания текста, что, несомненно, свидетельствует в пользу когнитивного подхода в понимании дискурса.

Сходный взгляд на дискурс как на объект лингвистического исследования находим у В. З. Демьянкова: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» – при этом предполагается, что «[д]искурс состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», или «дискурсным топиком» [1]. В данном случае большее внимание уделяется собственно когнитивным аспектам исследования, включая вопросы интерпретации текста в неразрывной связи с вопросами глобальной и локальной его организации.

Рассмотрим определения дискурса с позиций прагмалингвистики, с позиций структурной лингвистики, с позиций когнитивной семантики. В прагмалингвистическом аспекте дискурс рассматривается как интерактивная деятельность коммуникантов в совокупности с такими ее параметрами, как стратегии речевого общения, находящие воплощение в тех или иных вербальных формах, способы воздействия на адресата. В структурно-лингвистическом отношении дискурс рассматривается с позиций его концептуальной и формальной связности, принципов сегментации, способов смены темы дискурса. С когнитивно-семантических позиций дискурс исследуется как процесс презентации ментальных моделей в речевой коммуникации, актуализации структур знания (фреймов, сценариев). Как показывает анализ современных дискурсивных исследований, именно комплексный подход наиболее распространен в настоящее время, что вполне объяснимо: как представляется, только комплексное исследование речевых произведений в отдельности и в определенных дискурсивных единствах может обладать объяснительной силой, то есть объяснять причины тех или иных языковых явлений, точнее речевых воплощений языка.

О. Г. Ревзина приходит к выводу, что «дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет четкого контура и находится в постоянном движении» [4], и поэтому полагает, что задача лингвистики состоит в определении его структурообразующих парамет-

ров, из которых основными, по мнению автора, являются следующие: 1. Производство и потребление дискурса; 2. Коммуникационное обеспечение; 3. Дискурсивные формации (разновидности дискурса); 4. Интертертекстуальное взаимодействие [4].

Параметр *производство и потребление дискурса* связывается с вкладом каждого члена языкового сообщества в формирование материально-знаковой составляющей дискурса, с одной стороны, и с «потреблением дискурса» каждым членом языкового сообщества – с другой. При этом как порождение речевых произведений, так и их понимание, возможны благодаря языку. То есть здесь мы имеем дело с интеракционной природой дискурса в совокупности с когнитивно-лингвистическими ее основаниями.

Параметр *коммуникационное обеспечение* связан в первую очередь с каналами коммуникации, как непременным условием интеракционности дискурса. К коммуникационному обеспечению относится сам язык как специфический код. К данному параметру относятся, также устный канал коммуникации, письменный, радио, телевидение и интернет, при этом подчеркивается, что сам канал в силу своей специфики выступает одним из факторов, определяющих характеристики дискурса, и может служить основанием для его видовых классификаций.

Одним из наиболее значимых в теоретическом отношении выступает параметр *дискурсивные формации*, поскольку служит основанием для определения объекта исследования. В самом термине *дискурсивные формации* раскрывается содержание данного параметра, а именно выделение определенных разновидностей дискурса на определенных основаниях, которые в свою очередь определяются как задачами лингвистического исследования, так и объективно выделяемыми конституирующими признаками.

Параметр *интертертекстуальное взаимодействие* имеет своим основанием «взаимопроницаемость дискурсивных формаций», так как научно-публицистический дискурс сам по себе является результатом такого «взаимопроникновения», совмещая в себе признаки разных дискурсивных формаций.

М. Л. Макаров в монографии «Основы теории дискурса» на основе анализа многочисленных точек зрения выделяет три основных подхода в определении понятия «дискурс» в лингвистике. При первом подходе, дискурс определяется как некий отрезок речи, превышающий предложение, два и более предложения, пребывающих в семантической связи. При втором подходе дискурс определяется с функциональных позиций: под дискурсом понимается всякое употребление языка в социокультурном контексте. Третий подход, предложенный Д. Шифрин [6] и подчеркивающий взаимодействие формы и содержания, трактует дискурс как совокупность контекстуально организованных единиц языковой структуры, а не просто математической суммы двух и более высказываний [3].

Исследование лингвопрагматических, когнитивно-семантических и социокультурных параметров дискурса придает лингвистическому исследованию объяснительную силу, то есть предоставляет возможность установления причинно-следственных связей между названными параметрами и применением тех или иных языковых форм с тем или иным содержанием, что является одной из основных задач при дискурсивном исследовании.

Речевые произведения объединены по своим лингвопрагматическим и когнитивно-семантическим параметрам, а также по социокультурным условиям функционирования, представляют собой устойчивые единства. При этом определение специфики

формирования когнитивно-семантических структур, как имплицитно выраженных, так и не выраженных, и реализации когнитивных и речевых стратегии при формировании речевых произведений предполагает применение некоторых положений процессуального подхода. Таким образом, мы можем дать определение понятия «дискурс»:

Дискурс – исторически сложившаяся разновидность речи, в которой речевые произведения объединены по лингвопрагматическим и содержательным параметрам и рассматриваются в неразрывной связи с социокультурными условиями их функционирования. Таким образом, в дискурсе существует определенный набор интегрирующих признаков, присущий всем входящим в него речевым произведениям. Каждое из речевых произведений несет в себе необходимый набор специфических признаков, позволяющих причислять его к тому или иному дискурсу.

Библиографический список

1. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43.
2. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66-78.
5. Фуко, М. Археология знания. Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
6. Schiffrin, D. Approaches to Discourse. – Oxford; Cambridge, MA, 1994.

Статья поступила в редакцию 22.08.2011.

КОБОЗЕВА Мария Андреевна – сотрудник кафедры межкультурной коммуникации Ставропольского государственного университета.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 332.021.8

А. С. Ларионова

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Статья посвящена проблеме стратегического планирования развития мегаполиса на примере Москвы. Особое внимание автор уделяет теоретическим основам рассматриваемого вопроса, а также перспективам внедрения практических разработок. Предлагается авторское видение организационной структуры планирования на уровне РФ и Москвы.

Ключевые слова: мегаполис, стратегическое планирование, организационная структура.

Актуальность темы. В последнее время всё более популярными становятся слова «стратегия», «стратегическое планирование», «стратегический менеджмент». В особенности важным и значимым становится прогнозирование и планирование при рассмотрении проблем социально-экономического развития. Стратегическое мышление становится объективной необходимостью, тем более в 21 веке, когда процессы простого подгона статей расходов и доходов бюджета потеряли свою объективность и вовсе не соответствует вызовам современности. «Сущность прогнозирования в развитой рыночной экономике заключается в научном предвидении развития всех форм хозяйствования, в последующем выявлении закономерностей и тенденций научно-технического, экономического и социального прогресса».

Так, очень напоминает стратегический прогнозный документ – ежегодный доклад Госдепартамента США или Стратегический план по международным делам, в России же на государственном уровне пока кроме Концепции долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р., больше ничего нет. Нужно признать, что есть попытки планирования по отраслевому признаку, но в массе своей это либо типичные по своей форме и сути документы, либо ещё непринятые декларативные тезисы. Так, например, в Москве до сих пор не принято стратегического плана развития города в целом, хотя в отдельных направлениях градостроительной политики или в об-

ласти потребительского рынка есть долгосрочные программы. И, на мой взгляд, это серьезная проблема – проблема заключается в отсутствии комплексного подхода. Недопустимо особенно это для государственных структур на уровне регионов, где крайне важно заранее выявлять, диагностировать и «лечить» проблемы. Ведь опыт государственного регулирования свидетельствует о том, что должны существовать прогнозные данные, а отсюда и стратегические документы, которые будут основываться на системном научном прогнозировании, ведь оно позволяет на базе полученной информации о прошлом и настоящем состоянии дел предположить альтернативное развитие в предстоящем периоде.

2. *Теоретические основы стратегического планирования и прогнозирования.* Рассматривая понятия «прогнозирование» и «планирование» с научной точки зрения, приведу полученные мною выводы. Я бы сформулировала понятие планировать – как действие, направленное на предметную систематизацию перечня необходимых решений для достижения определённых целей, в определённый период времени. Однако, в книге А. Н. Петрова «Стратегический менеджмент» о понятии «планирования» говорится в ином ключе. Этот подход, наверное, можно назвать бизнес-подходом.

«Планирование – есть предопределение будущего, построение активного образа модели желаемого и намечаемого в будущем состояния экономики при одновременном установлении путей, способов, средств и сроков достижения этих состояний и намечаемых целей». [41, с.13] Касаясь сфер и охвата прогнозирования и планирования, пришла к выводу, что их очень много, поэтому определила для себя принцип, по которому, как правило, выделяют эти сферы:

- отраслевой – здесь можно использовать перечень ОКВЭД;
- по наличию узкоспецифичной проблематики или вопроса исследований.

Одним из самых значимых вопросов по выбору сферы прогнозирования или планирования – становится определение подхода к организации исследования, его охвата, роли руководства в нём, и, конечно, вопросы финансирования. Таким образом, определились два типа заказчиков на этот вид деятельности – государственные структуры, бизнес структуры.

Классификация планирования по его качественной оценке и уровню участия администрации в процессе подготовки [53] (дана по книге Ричардсона Б.):

Итак, планирование может быть:

- Корпоративное;
- Итеративное;
- Интуитивное;
- Хаотическое.

Планирование также подразделяется на:

- Краткосрочное (тактическое);
- Долгосрочное планирование, которое составляет основу управления методом экстраполяции;
- Стратегическое планирование – которое составляет основу управления методом предвидения изменений.

Главное различие между ними состоит в трактовке будущего.

Далее я попытаюсь перейти к структуре и к этапам стратегического планирования, которые раскрывают следующие ее структурные элементы, в том числе и элементы прогнозирования: определение и формулирование цели или системы целей, которые преследует в планируемом периоде субъект стратегического планирования (это от-

правной пункт логики стратегического планирования, ее главная идея), [65] анализ и прогноз исходного уровня развития объекта стратегического планирования, определение объема и структуры потребностей общества в планируемом периоде, в результатах функционирования соответствующих объектов стратегического планирования, выявление объема и структуры ресурсов, имеющихся на начало планируемого периода и вновь создаваемых в планируемом периоде, согласование сбалансированных потребностей и ресурсов социально-экономических подсистем различного уровня путем подготовки управленческих решений в форме стратегических программ и планов. [35, с.76]

На мой взгляд, в основе планирования должны лежать научные прогнозы, балансовые расчеты, статистические базы данных, должны быть предусмотрены и методы актуализации плановых решений для определения и выбора стратегических целей и тактических задач в области исследования.

В этом отношении моё видение находится близко к программно-целевой концепции стратегического планирования, и как пример этого можно назвать метод бюджетирования, ориентированного на результат, который основан на конкретных целевых параметрах. Среди методов были рассмотрены и проанализированы:

- статистические методы;
- экспертные оценки;
- моделирование.

Особое внимание было уделено базовым моделям стратегического планирования.

Большинство моделей, в которых используются данные методы можно отнести к бизнес-подходу. Однако, в целом, схемы очень интересны, и на мой взгляд, вполне жизнеспособны и для государственного стратегического планирования.

3. Практика планирования и прогнозирования на современном этапе развития государства. Стратегии развития городов стали активно применяться в середине 50-х начале 60-х годов XX века на Западе (Нью-Йорк, Берлин, Мюнхен, Париж) в связи с развитием общей теории стратегического менеджмента. Долгосрочные стратегии с тех пор успешно применяются и являются неотъемлемой частью работы законодательной и исполнительной власти, а также экономических субъектов множества городов мира.

В России городское стратегическое планирование стало применяться с начала 90-х годов, но предпосылки в виде организационных структур Горплана были и в Советский период. На сегодняшний день в той или иной степени городское планирование осуществляется в большинстве городов России, и с середины 2000-х годов в этот список вошла и Москва.

Учитывая, что сравнительный анализ международного опыта стратегического планирования (Нью-Йорк, Мюнхен) показал, что предметы анализа несравнимы, считаю необходимым анализировать страны, где практика стратегического планирования может быть адаптирована и интересна органам исполнительной власти Москвы.

Поэтому особое внимание уделялось анализу различных подходов и опыт стратегического планирования в городах Восточной Европы, таких как Рига, Вильнюс могут сделать следующие выводы.

Все эти города являются крупными урбанистически центрами постсоветского пространства, Рига и Вильнюс – вообще столицы государств. Все они прошли схожий путь развития и перестройки в 90-е годы, имеют схожие проблемы и барьеры на пути развития стратегического планирования, что делает именно их опыт наиболее интересным и близким для Москвы.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития
до 2020 года

Основные параметры прогноза социально-экономического России
на период 2020-2030 гг.

О сценарных условиях функционирования экономики
Российской Федерации и основных параметрах прогноза
социально-экономического развития Российской Федерации

Основные направления деятельности Правительства РФ

Реализация проектов

Рис. 1. Механизм стратегического планирования и прогнозирования
на уровне Российской Федерации*

* Подготовлено автором с использованием следующих нормативных правовых документов:

- Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1663-р «Об утверждении Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года»;
- Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2008 г. № 1996-р «Об утверждении плана подготовки актов по реализации в 2009-2010 годах Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года»;
- Постановление Правительства РФ от 10 марта 2009 г. № 215 «О порядке организации исполнения проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года»;
- Методические указания по разработке и утверждению карт проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года, утв. приказом Минэкономразвития России №114 от 6 апреля 2009 года.

Рис. 2. Механизм стратегического планирования и прогнозирования на уровне региона (на примере Москвы)**

Если говорить более конкретно, то проанализировав опыт стратегического планирования в упомянутых городах, я пришла к некоторым выводам:

Во-первых, это особая роль целеполагания. Все эти города ориентированы на достижение максимальной роли в стране или регионе и на тесное сотрудничество с Европой, следовательно, Москва может использовать некоторые меры по достижению вышеуказанных целей. Также важную роль играет выбор ключевого направления в развитии города, основанного на анализе конкурентных преимуществ, возможностей города и региона, внешней среды и мировой экономической и политической конъюнктуры. Каждый город имеет свою приоритетную область или нишу: «Рига – это город ...», «Вильнюс – это город...» и т.д., и этот слоган является осью городской «маркетинговой стратегии», «USP» (unique selling point – уникальное торговое предложение) города.

Во-вторых, важным элементом является упомянутый выше детальный анализ внутренней среды по принципу поиска сильных и слабых сторон и внешней среды по принципу поиска её преимуществ и недостатков, и условий развития в этой среде как мировой системе, не забывая про адаптацию к конъюнктурным тенденциям и изменениям. Как действенный способ мог бы применяться широко известный SWOT анализ или его аналоги.

В-третьих, в каждом случае планирования поднимается вопрос обеспечения мощной, структурированной и прозрачной правовой и законодательной базы. Опыт разработки, согласования и утверждения различных документов и приведения их в соответ-

** Подготовлено автором с использованием следующих нормативных правовых документов:

- Регламент Правительства Москвы от 21 февраля 2006 г. № 112-ПП;
- Постановление Правительства Москвы от 17 января 2006 г. № 33-ПП «О порядке разработки, утверждения, финансирования и контроля за ходом реализации городских целевых Программ»;
- Постановление от 22 июля 2008 г. № 640- ПП «О прогнозе социально-экономического развития города Москвы до 2012 года».

ствие поставленным задачам и непротиворечие друг другу был бы очень полезным. Здесь интересен мировой опыт формирования правовой и законодательной базы для обеспечения результативности достижения поставленных целей перед планированием развития города.

В-четвертых, необходимо рассмотреть опыт организации этой работы в органах исполнительной власти, переход от разрозненной деятельности в структурах Правительства Москвы к сплочённому и скоординированному функционированию согласно общей стратегии и на благо достижения её целей, а также изменения структуры и функциональных обязанностей ряда Департаментов в Правительстве Москвы, согласно поставленным задачам.

В-пятых, могли бы быть приняты во внимание методы решения проблем столкновений частных экономических интересов и планов города, нехватки политической воли или отсутствия обратной связи от населения в процессе реализации, в том числе использование зарубежного опыта и помощи зарубежных отечественных научных институтов.

Исходя из анализа, можно выделить ряд мероприятий и подходов, которые могли бы быть использованы и в нашей столице. Но если говорить о выборе ключевых отраслей и направлений, финансировании и ряда конкретных мер, то они не всегда могут быть адаптированы к городу Москве. Вильнюс и Рига – небольшие города в сравнении с нашей столицей, с меньшими финансовыми и ресурсными возможностями, не обладающие столь диверсифицированной развитой экономикой, да и располагаются они немного в другом регионе. Наиболее интересными для Москвы были бы, наверное, преобразования в области международного туризма, экологической и культурной политики. Опыт же Санкт-Петербурга более адаптивен в плане разработки и реализации Стратегии, особенно в вопросах привлечения иностранных инвестиций и партнёров. Тем более эти разработки получили высокое международное признание.

4. *Проблема стратегического планирования и прогнозирования.* Выявленные проблемы процессов планирования и прогнозирования:

- Отсутствие инструментов привлечения к сотрудничеству различных городских и областных органов власти, а также негосударственных организаций, которые согласились бы предоставлять нужную информацию и аналитические материалы группе, занимающейся подготовкой стратегического плана;

- Отсутствие своевременных первичных данных об объекте планирования (проблема статистики);

- Недостаточная нормативная (методологическая) база для регулирования этих процессов, т.к. большинство значимых в этой области документов находятся только в разработке.

При исследовании экономических и социальных систем необходим системный, междисциплинарный подход, помогающий учесть все важные факторы, влияющие на изучаемые процессы. Необходимо детальное описание, анализ, прогнозы и выводы по всем срезам социально-экономической системы: политическим, социальным, экономическим, экологическим и пр.

В процессе исследования возникают проблемы:

- Извлечения знаний;
- Интеграции этих знаний в единую систему или модель;
- Междисциплинарного исследования этой модели для последующих выводов и принятия решений.

5. *Предложения по совершенствованию процессов стратегического планирования и прогнозирования.* Все эти проблемные моменты я постаралась решить, предлагая поэтапную модель реализации процессов стратегического планирования и прогнозирования на региональном уровне. По сути, эта та схема, которая включает в себя массу методов и подходов, имеющих успех и доказавших свою работоспособность за рубежом. Но это не хаотично собранные подходы и методы – в работе представлены только те из них, которые действительно реальны для применения в городе с учётом нормативной и статистической баз данных.

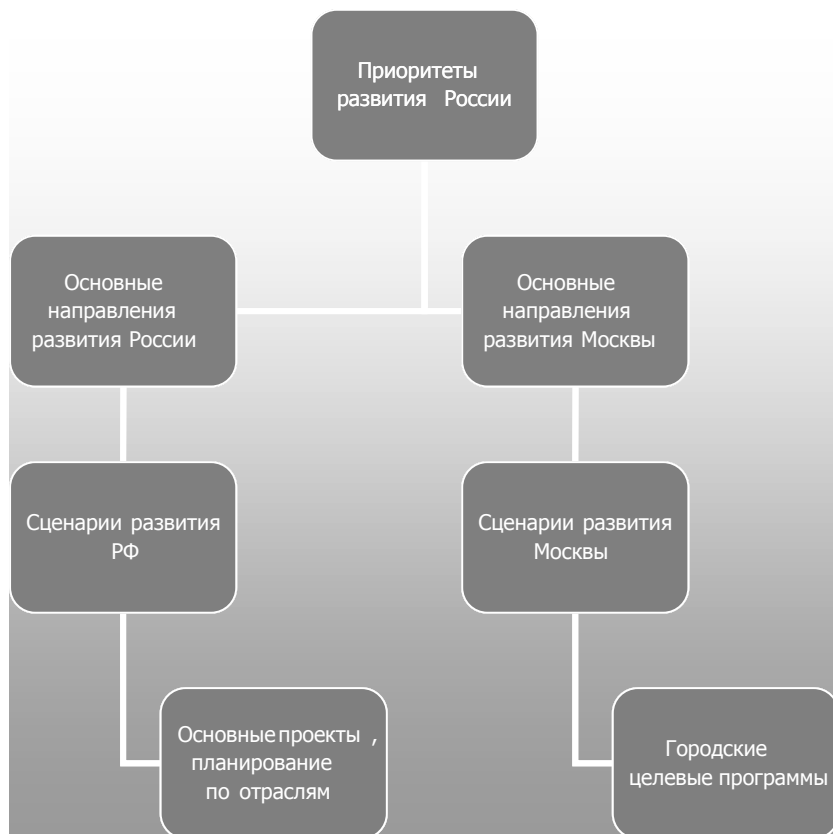

Рис. 3. Предлагаемая организационная структура планирования на уровне РФ и Москвы

Модель состоит из нескольких основных этапов:

1. Этап анализа (аудит города);
2. Этап сценариев и целеполагания;
3. Этап планирования;
4. Этап реализации, контроля и корректировки плана.

Определение перспектив местного экономического и социального развития начинается с досконального изучения тенденций, формирующих характер экономики города. Такой анализ создает основу для принятия обоснованных стратегических решений о распределении ограниченных ресурсов для содействия устойчивому местному развитию. Этап анализа или аудита города состоит из: предварительного анализа, анализа конкурентоспособности (количественный анализ конкурентной устойчивости и качест-

венный анализ условий конкурентной устойчивости), анализа кластеров и процесса обсуждения с общественностью.

Этап сценариев и целеполагания предполагает: определение миссии города (формулирование понятия «миссия»), определение целей и задач развития, разработку сценариев развития города. Далее следует один из самых серьезных этапов – этап планирования. В него я включала – поиск и выбор оптимальной модели и структуры Плана, формирование перечня мероприятий и индивидуальных заданий, назначение ответственных и контролирующих органов. Остаётся последний в списке, но не по значимости этап реализации, контроля и корректировки плана. В него включаются как процесс реализации Стратегического плана, так и механизмы его мониторинга.

Библиографический список

1. Регламент Правительства Москвы от 21 февраля 2006 г. № 112-ПП. URL:<http://mos.ru>.
2. Постановление Правительства Москвы от 17 января 2006 г. № 33-ПП «О порядке разработки, утверждения, финансирования и контроля за ходом реализации городских целевых Программ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2006. – № 2.
3. Постановление от 22 июля 2008 г. № 640- ПП «О прогнозе социально-экономического развития города Москвы до 2012 года» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2008. – № 28.
4. Проект Постановления «О стратегии развития города Москвы на период до 2025 года»: Материалы Департамента экономической политики и развития города Москвы.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р об утверждении Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года. URL:<http://www.consultant.ru>.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 1996-р об утверждении плана подготовки актов по реализации в 2009-2010 годах Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года: Материалы Министерства экономического развития.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 215 «О порядке организации исполнения проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года»: Материалы Министерства экономического развития.
8. Методические указания по разработке и утверждению карт проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года, утвержденные приказом Минэкономразвития России №114 от 6 апреля 2009 года: Материалы Министерства экономического развития.
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года. URL:<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib/mert/resources/5ed83c0048a06e1cb7a1f71eec85a001/oznakomitsya.doc/>.
10. Основные задачи социально-экономического развития страны. URL:http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml.
11. Интервью с Оглоблиной М. Е. (руководителем Департамента экономической политики и развития Правительства Москвы) от 20.03.09. URL:<http://mos.ru>.
12. Акофф, Р. Л. Планирование в больших экономических системах. – М.: Советское Радио, 1972. – 292 с.
13. Бешелев, С. Д., Гурвич, Ф. Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. – М.: Статистика, 1974. – 407 с.
14. Проблемы методологии исследования / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Е. Г. Юдин. – М.: Мысль, 1970. – 156 с.
15. Теоретические основы прогнозирования и планирования / В. Н. Грищенко, Л. Г. Демидова, А. Н. Петров. – СПб, 1996. – 317 с.

16. Динисламов, И. Подходы к определению миссии и главной цели развития в стратегических планах городов. – М.: Прогресс, 2002. – 375 с.
17. Дубнов, А. П. «Мегаполисы Уральского Федерального округа: конференции по стратегическому развитию» // ЧиновникЪ. – Выпуск № 4'00 (10). URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=20>.
18. Дэвид, Г. Метод парных сравнений. – М.: Статистика, 1978. – 144 с.
19. Проблемы и методы принятия решений / С. В. Емельянов, В. М. Озерной, О. Л. Ларичев. – М.: Международный центр научной и технической информации, 1973. – 442 с.
20. Ермишина, А. В. Конкурентоспособность региона: методика оценки потенциала Кластеризации. – СПб.: Питер, 2002. – 331 с.
21. Жихаревич, Б. С. Анализ конкурентных преимуществ города (SWOT анализ). URL: <http://www.citystrategy.leontief.ru>.
22. Жихаревич, Б. С. Реализация, мониторинг и корректировка стратегического плана. URL: <http://citystrategy.leontief.ru>.
23. Загоруйко, Н. Г. О формулировке стратегической цели развития региона. URL: <http://www.citystrategy.leontief.ru>.
24. Зотов, В. Б. Система муниципального управления. – СПб.: Питер, 2008. – 425 с.
25. Идрисов, А. Стратегия, основанная на ключевых компетенциях и динамических способностях компании // Контроллинг в России. – 2002. – № 1.
26. Карвалхо, Э. Основные принципы проведения анализа конкурентоспособности города. URL: <http://citystrategy.leontief.ru>.
27. Кинг, У., Клиланд, Д. Стратегическое моделирование и хозяйственная политика. – М.: Прогресс, 1982. – 287 с.
28. Коробейников, А. М. Оценка эффективности регионального развития. URL: <http://www.citystrategy.leontief.ru>.
29. Структурный подход к анализу и обработке экспертного опроса / Н. Е. Киселёва, Л. А. Панкова, М. В. Шнейдерман // Автоматика и телемеханика. – 1975. – № 4. – С. 64-70.
30. Мельник, В. А. Современный словарь по политологии. – Мн.: Книжный дом, 2004. – 505 с.
31. Школы стратегий / Г. Минцберг, Б. Альстренд, Дж. Лэмпел. – СПб.: Питер, 2000. – 231 с.
32. Могилевский, В. Д. Основы теории систем. – М.: МИРЭА (ТУ), 1997. – 452 с.
33. Моисеев, Н. Н. Математик задаёт вопросы. – М.: Знание, 1974. – 231 с.
34. Моранд, Дж. Планируй регионально, действуй локально. URL: http://citystrategy.leontief.ru/world/mordan.htm#_Toc1.
35. Динамические модели теории управления / Ю. И. Неймарк, Н. Л. Коган, В. П. Савельев. – М.: Наука, 1985. – 246 с.
36. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Российская академия наук, 1997. – 811 с.
37. Озерной, В. М. Принятие решений (обзор). – Автоматика и телемеханика. – 1971. – № 11. – С. 106-121.
38. Орлов, А. И. Нечисловая статистика. – М.: МЗ-Пресс, 2004. URL: <http://www.aup.ru/books/m162/>.
39. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий: зачем, кому и какой нужен маркетинг территорий. URL: <http://www.koism.rags.ru>.
40. Петрухин, В. А. Три контура управления или бизнес – план и его исполнение // Вестник торгово-промышленной палаты Ставропольского края. – 2003, декабрь.
41. Стратегический менеджмент / Под. ред. Петрова А. Н. – СПб.: Питер, 2008. – 525 с. URL: <http://www.stavropolaudit.ru/model/org01.html>.
42. Портер, М. Э. Конкуренция.: пер. с англ.: Уч. пос. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 495 с.
43. Стратегический менеджмент / Ред. Петрова А. Н. – СПб.: Питер, 2008. – 452 с.
44. Саати, Т., Кернс, К. Аналитическое планирование. Организация систем: пер. с англ. – М.: Радио и связь. 1991. – 224 с.

45. *Саати, Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархий / Пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1993. – 340 с.
46. *Сафо, П.* Не надо быть точным: шесть правил прогнозирования // Harvard Business Review Россия. – 2007, сентябрь.
47. Применение экспертных оценок для задач стратегического планирования / Д. С. Шмерлинг, Т. Ю. Кузнецова, П. Ю. Чеботарёв, Э. П. Чуркин / Московская школа экономики. – Центр стратегического планирования. – М., 2008 – 36 с.
48. *Эйрес, Р.* Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование. – М.: Мир, 1971. – 416 с.
49. *Юрьев, А. И.* Судьба Санкт-Петербурга: предназначение города и целеполагание политики от 25.05.2007. URL: <http://journal.spbu.ru/99/27/22.html#top>.
50. *David, A. P.* Influence diagrams for Causal Modeling and Inference // Int. Statist. Rev. 2002. Vol. 70. № 2. P. 211.
51. *Forman, T. Y. Gass, S.I.* The analytic hierarchy process – an exposition // Operations research. 2001/ Vol. 49. P. 498
52. Steiner, G. A. Strategic planning: What every manager must know. – NY, 1991.
53. Richardson B. Richardson R. /Business Planning. Art approach to strategic Management. – Pitman, London, 1992.
54. Краткий экономико-математический словарь / Методы из Лопатчиков Л. И. – М.: Наука, 2003.
55. Общая теория статистики: учебник / И. И. Елисеева, М. М. Юзбашев / Под ред. И. И. Елисеевой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2006.
56. Исследование социально-экономических и социально-политических процессов. URL: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=26438&p_page=7.
57. Фонд «Деловая перспектива». [сайт]. URL: http://www.ofdp.ru/news/_news250707at115817/full.shtml.
58. Стратегия муниципального развития г. Гусь-Хрустальный. URL: <http://www.splan.ru/territor/gus/index.htm>.
59. Стратегический план г.Тольятти. URL: http://www.tgl.ru/str_planir/.
60. Концепция Стратегии социально-экономического развития г.Шуя. URL: http://adm.shuya.ipn.ru/admin/sh_konc.html.
61. Стратегия развития г.Улан-Удэ. URL: <http://www.buryatia.ru/hosting/strategy>.
62. Сайт г. Cape Girardeau, Миссури, США. URL: <http://www.cityofcapегirardeau.org/index.htm>.
63. Википедия (свободная энциклопедия). [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%>.
64. Словарик для политологов. URL: <http://lib.sarbc.ru/koi/POLITOLOG/bunchuk.txt>.
65. Сайт по менеджменту [сайт]. URL: <http://examen.od.ua>.
66. Интернет ресурс библиотеки Российского государственного Интернет Университета. URL: <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/socprogn/27.aspx>.
67. РБК daily. [сайт]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/07/25/focus/284520>.
68. Интернет – ресурс Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России». [сайт]. URL: <http://www.forumstrategov.ru>.
69. Проект Закона «О государственном стратегическом планировании».

Статья поступила в редакцию 30.08.2011.

ЛАРИОНОВА Анастасия Сергеевна – аспирант Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

УДК 32.019.57

М. В. Жуков

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ЛОББИЗМ»

Статья посвящена возникновению и эволюции термина «лоббизм» от первого употребления до наших дней. Исследуются основные подходы к пониманию лоббизма, ставится вопрос о приемлемости лоббизма в органах исполнительной власти.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, правовое регулирование, теневой лоббизм, институционализация.

Изначально стоит упомянуть о том, что исторически в отечественной науке преобладали преимущественно негативные оценки лоббизма. Истоки таких оценок следует искать еще в советский период. Так, большая советская энциклопедия в 1973 году давала следующее определение лоббизма: «Лобби, лоббизм (от англ. «lobby» – кулуары) – система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих прямое давление вплоть до подкупа на законодателей и государственных чиновников в интересах этих компаний» [1, с. 589]. Подобное представление о лоббистской деятельности, господствующее в советский период, вполне согласовывалось с марксистской теорией, в соответствии с которой лоббизм рассматривался как средство влияния крупной буржуазии с целью поддержания господствующего положения в обществе.

Такая оценка на уровне обывательского сознания встречается и сегодня, в том числе и в Западной Европе и США. В частности, американский исследователь Ричард Холл отмечает, что «самый распространенный и циничный взгляд на лоббизм заключается в том, что он оценивается как более-менее законная взятка» [2].

Проблема лоббирования является одной из наиболее древних в истории общественно-правовой мысли. Без сомнения, все без исключения правительства подвергались воздействию со стороны групп интересов, преследующих свои цели. На протяжении истории высказывались различные оценки данного процесса. Сторонники первого под-

хода, к которому принадлежали Платон, Т. Гоббс, Жан-Жак Руссо, настаивали на необходимости устранить все «частные» влияния на процесс принятия решения.

Сторонники другого, более молодого подхода, уповают на необходимость свободной игры социальных интересов. Сегодня эта точка зрения приобретает все большее число сторонников. Согласно данному подходу, лоббизм – неотъемлемый элемент демократической системы. Лоббизм не только не подрывает основы государственного управления, но и способствует более эффективному решению его задач. Сторонником данного взгляда в США был Джон Кэннеди.

Термины «лоббист», «лоббизм» пришли в русский язык из англоязычной лексики. Согласно Оксфордскому словарю, первое упоминание слова «lobby» относится к 1553 году [3]. Данным термином обозначалась прогулочная площадка в монастыре. Постепенно слово приобрело более широкое значение и обозначало коридоры и холлы в театрах. Со второй половины XVII века слово «лобби» употребляется для обозначения помещений вокруг залов заседаний английского парламента [4, с. 159]. В литературе отмечается, что термин «лобби» употреблялся в политическом контексте писателями и публицистами XVIII-XIX вв. [5, с. 171].

Окончательно политический смысл данный термин приобрел в XIX веке уже в США. Согласно одной из версий, возникновение термина «лоббист» относят ко времени президентства У. Гранта. Президент США с приближенными лицами вечерами собирались в вестибюле одной из гостиниц, называемом «лобби». Там министры и сенаторы встречались с разными людьми и выслушивали их просьбы [6, с. 36-41].

Даже при условии, что термин «лобби» вошел в употребление только к середине XIX века, лоббизм как явление зародился вместе с американской нацией. Как отмечается в литературе, группы влияния действовали уже в первые годы существования США [7].

Следует отметить, что практика европейских стран в области лоббизма значительно отличается от американской. Так, в Англии данное слово вошло в обиход только в XX веке. Во Франции лоббистская деятельность официально считается незаконной, в Италии считают нецелесообразным принимать законы о лоббизме. В Германии, где лоббизм фактически легализован, стараются избегать употребления данного термина.

Однако отсутствие законодательного регулирования вовсе не означает отсутствия лоббизма как такового. Лоббизм вовсе не стремится к однообразию форм своего проявления, напротив, внутри каждой страны лоббизм имеет свои этнопсихологические и историко-культурные особенности. Более того, характер и степень развитости лоббистских механизмов скрывается за приверженностью традициям, образцам общепризнанного поведения, чувством законопослушания и т. п.

В Российской Федерации юридически ни лоббизма, ни лоббистов не существует, однако этим термином оперируют как журналисты, так и государственные деятели. Более того, создана Национальная Ассоциация лоббистов, публикуются списки наиболее успешных лоббистов. При этом в обществе отсутствует четкое представление о том, что собой представляет лоббистская деятельность. Например, представитель президента в Уральском Федеральном округе П. Латышев считает, что он не лоббист и никогда им не будет. Но в то же время добавляет: «Если уж возник такой термин – лоббирование, то я лоббирую только интересы президента, все, что связано с укреплением единства страны и государственной власти, созданием единого правового и экономического пространства. И напротив, я не лоббирую интересов региональных структур власти,

хотя в результате моих усилий должны выиграть и Федерация, и ее субъекты в отдельности» [8].

В настоящее время в политической и юридической науке существует несколько подходов к пониманию лоббизма. По мнению британского эксперта К. Кумса, в зарубежной литературе чаще всего употребляются два определения лоббизма [9, с. 34]. Согласно первому подходу, лоббизм – это реализация права гражданина обращаться с ходатайством, петицией к своему правительству. Согласно второму подходу, под лоббизмом понимается профессиональная деятельность сотрудников, или специальных консультантов, нанятых компаниями, профессиональными ассоциациями, профсоюзами и прочими группами для представительства интересов этих организаций в процессе формирования государственной политики.

Иными словами, можно говорить о рассмотрении лоббизма в широком и узком смысле. Под лоббизмом в широком смысле обычно понимается оказание давления, влияния на власть определенной группой интересов с целью принятия выгодных для этой группы решений. Такой подход является наиболее распространенным в политологических и юридических исследованиях. Наиболее полно данная точка зрения выражена В. Павловым: «Что же такое лоббизм? Это специфический институт политической системы, с помощью которого различные общественные и коммерческие организации воздействуют на процесс принятия государственных решений в пределах конституционных полномочий граждан участвовать в управлении делами государства, предусмотренных Конституцией» [10]. Сходной позиции придерживается В. Г. Доманов, определяя лоббизм как «упорядоченный законодательством способ воздействия сил и интересов гражданского общества на государственный аппарат» [11, с. 214.] С точки зрения экономического подхода определяет лоббизм А. Артемов. По его мнению, «лоббизм как фактор воздействия на все сферы общественного бытия по каналам законодательных и исполнительных органов в рамках правового поля представляет собой механизм реализации отношений между государственной экономической политикой и общественной формой управления хозяйством» [12].

С позиции узкого, правового подхода к определению лоббизма выступает один из ведущих специалистов в России в области регулирования лоббистской деятельности А. П. Любимов. По его мнению, «лоббизм в правовом смысле – это совокупность норм, регулирующих воздействие (участие) граждан, общественных объединений, организаций, предприятий, специализирующихся на лоббистской деятельности, других субъектов правоотношений с органами государственной власти для оказания влияния на принятие необходимых лоббистам решений и для активного отстаивания своих интересов» [13, с. 17].

Таким образом, поскольку лоббизм в правовом смысле – это совокупность норм, то о лоббизме в правовом смысле можно говорить только там, где действуют нормативно-правовые акты, регулирующие лоббистскую деятельность.

Исходя из вышеприведенных определений, сфера действия лоббизма не ограничивается лишь законодательной ветвью власти, затрагивая и исполнительные органы власти. Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой действительно легитимной может быть лишь лоббистская деятельность в органах законодательной и представительной власти. Так, по мнению И. В. Чебыкина [14], не представляется целесообразной институционализация лоббистской деятельности в органах исполнительной власти, либо она должна допускаться в весьма узких рамках, специально указанных в законе. Свою точку зрения автор мотивирует тем, что именно в сфере исполнительной

власти наиболее реальна угроза возникновения скрытого, «теневое» лоббизма, именно здесь он зачастую перерастает в коррупцию.

Руководствуясь теми же доводами, считаем необходимым регулирование лоббистской деятельности как в органах законодательной, так и в органах исполнительной власти. По мнению специалистов, лоббирование интересов крупных предпринимателей осуществляется преимущественно через органы исполнительной власти [13; 15, с. 67-85]. Именно в рамках Правительства РФ и министерств часто принимаются ключевые для крупного бизнеса решения (увеличение, уменьшение таможенных пошлин, предоставление субсидий, преференций и т. п.). Как справедливо отмечает И. В. Чебыкин, именно в сфере исполнительной власти наиболее реальна угроза возникновения теневого лоббизма.

По нашему мнению, в случае институционализации лоббистской деятельности только в законодательной власти, большая часть лоббистских правоотношений (в сфере исполнительной власти) останется вне правового регулирования. В этом случае закон о лоббистской деятельности, если он будет принят, не окажет никакого воздействия на процесс лоббирования в органах исполнительной власти, сохранив его в том виде, каким остается со времен СССР.

Как видим, на сегодняшний день в российской научной литературе нет единого понимания термина «лоббизм». В первую очередь это связано с отсутствием нормативно-правового регулирования лоббистской деятельности.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Т. 14. – М., 1973.
2. *Hall, Richard L.* Lobbying as Legislative Subsidy, University of Michigan. *American Political Science Review*. 2006. No 1.
3. Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com>.
4. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993;
5. *Disraeli, B. Sybilla.* – L., 1963.
6. *Byrd, W.* History of the lobbying disclosure Act. *Public Citizen*. № 7.
7. *Smith, J.* A brief history of lobbying. *Public Affair*. 2007. № 3.
8. Я лоббирую только интересы президента // Независимая газета. – 2000. – 18 августа.
9. *Кумс, К.* Лоббизм и его регулирование: советы британского эксперта // Бизнес и политика. 1994. № 1.
10. *Павлов, В.* Есть ли в России лоббизм? // Российская юстиция. – 1998. – № 8.
11. Политология в вопросах и ответах. – М., 1999.
12. *Артемов, А.* Канадская основа открытого общества. Лоббизм, протекционизм и либерализм – составляющие новой экономической политики России//Независимая газета. – 2000. – 4 августа.
13. *Любимов, А. П.* История лоббизма в России. – М., 2005.
14. *Чебыкин, И. В.* Институционализация лоббистской деятельности: конституционно-правовой аспект: Диссертация ... канд. юрид. наук. – Спб., 2004.
15. *Лепехин, В. А.* Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования // Полис. – 2008. – № 4, 5.

Статья поступила в редакцию 03.09.2011.

ЖУКОВ Максим Валериевич – аспирант Кубанского государственного университета.

УДК 316.6

А. В. Веселов

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В СОЦИОИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с современным этапом развития социоинженерной деятельности. Определяющей характеристикой данного этапа является процессом взаимопроникновения субъекта и объекта в деятельности.

Ключевые слова: *социоинженерная деятельность, общество, постнеклассическая наука, естественное, искусственное, субъект, объект.*

Современный этап в изучении деятельности характеризуется выделением трех направлений.

Представители первого направления считают деятельностью свойства человека и всей органической природы, свойства двух уровней эволюции материи: социального и биологического. Данная точка зрения находит свое отражение в работах Э. С. Маркаряна, М. В. Демина и др. (70-80 е годы прошлого столетия).

Разработчики второго направления, зародившегося в начале 21 века, рассматривают деятельность на уровне человека, органической и неорганической природы (В. Д. Граждан и др.);

Третье направление исходит из антропоцентристских представлений деятельности, согласно которых она рассматривается свойством человека. Это научное направление, обозначенное в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, наиболее активно разрабатывалось в 20-30 и 70-80-х годах прошлого столетия в трудах советских ученых. «Деятельностный» бум тех лет связан с определенными успехами исследователей в области психологии, биологии, кибернетики, экономической теории, социологии и других наук [1, с. 48-49].

С позиции антропоцентризма в деятельности выделяют субъект и объект. Субъект деятельности представлен активной стороной целенаправленной деятельности. С ним связаны ее пусковые и регулятивные механизмы. Объект деятельности есть то, на что направлена деятельная способность человека-субъекта: любые явления окружающей действительности, в том числе живые люди, их трудовые навыки и деятельностные способности [1].

Отдельные исследователи рассматривают субъект, объект и активность субъекта в качестве элементов деятельности [2].

Между тем, характерная черта общественной жизни людей заключена в том, что она обнаруживает себя через деятельность.

Современный этап развития социума характеризуется поворотом в сторону человека. Значительное большинство исследователей указывает на то, что многие процессы, происходящие в обществе, нельзя объяснить с позиций классических подходов.

В качестве возможного базиса построения нового с целью объяснения происхо-

дящего в социуме сейчас можно назвать систему «постнеклассической науки», с ее концепциями рефлексивного (Г. П. Щедровицкий, В. А. Лефевр, В. Е. Лепский), когнитивного подхода, «человекоразмерных систем» (В. С. Степин) и др.

Здесь человек начинает рассматриваться не просто как единица, из которых состоит общество, а как сложная самоорганизующаяся система. Это привело к тому, что существующие подходы к рассмотрению человека выявили многие свои недостатки. Субъектно-деятельностные подходы имеют ряд скрытых положений, проистекающие из того, что обстоятельства существования объекта не коррелируют с самим фактом существования теории и то, что разрабатываемая теория не является продуктом активности объекта. Принцип оппозиционности субъекта и объекта может быть по праву применим для тех объектов, у которых отсутствует сознание.

Противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для объектов «не наделенных психикой». В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях «субъект – субъект» явно происходит нарушение «физических» постулатов. Исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений [3].

Все это привело к созданию нового постнеклассического подхода, который получил название субъект-ориентированного. В его рамках происходит снятие проблемы противопоставления между объектом исследования и самим исследователем, также происходит переход от понятий субъект-объект к понятию субъект-субъект.

Сегодня социотехническая версия деятельности активно используется в социальной инженерии, которая в одном из представлений рассматривается как специфическая научная деятельность, направленная, в частности, на реформирование социальной системы.

При осуществлении социоинженерной деятельности по формированию или преобразованию социальных объектов является необходимым наличие не только искусственных регуляторов, но и естественных, которыми большей частью выступают сложившиеся в ходе развития социальной системы всевозможные традиции, ценности, культурные нормы.

При помощи естественных регуляторов социоинженерная деятельность осуществляется посредством уже принятых в данной организации или обществе норм, правил и ценностей. Субъект, осуществляющий деятельность по регулированию социальных систем, лишь приспособливает их к новым потребностям общественных систем при помощи разнообразных культурных паттернов, которые возникают спонтанно и способны служить первоначальными точками опоры для создаваемой конкретной организации или системы.

Можно сказать, что природа объектов, на которые направлена социоинженерная деятельность, имеет естественно-искусственный характер. А это в свою очередь порождает и выбор подходящих для этого средств регуляции. Исходя из специфики и своеобразия объекта и вопросов, которые стоят перед социальным инженером, ему придется использовать в своей работе, как естественные, так и искусственные средства регуляции. При таком подходе требуется комбинированная методология деятельности.

В связи с возникающими трудностями при работе с естественно-искусственными объектами, представляется возможным сформулировать несколько общих положений,

которые относятся к возможностям деятельности по преобразованию общественных систем, сообразных их природе средствами:

1. Искусственные средства регуляции позволяют непосредственное формирование только искусственных субъектов, элементов и так далее. В более общей связи они могут привести к возникновению естественных процессов в системах, находящихся на стадии проектирования или конструирования. Следовательно, можно сказать, что многие социальные институты нельзя создать исключительно рациональным путем, поскольку в обществе должны сложиться необходимые для этого предпосылки их будущего развития.

2. Управленческие решения, сочетающие в себе, естественные и искусственные средства регулирования имеют, как правило, определенную последовательность действий. План или проект облачается, как правило, в формальный вид, после чего происходит преобразование в искусственно-естественную систему. Данное утверждение справедливо для такого типа социоинженерной деятельности как, проектирование социальных объектов и систем.

3. Методология деятельности, используемая социальной инженерией, будет варьироваться в определенных пределах, в зависимости от типов преобразуемых социальных систем и объектов. Активность, автономность, плюрализм являются важнейшими чертами социальной системы. По совокупности признаков социум относится к естественно-искусственным системам. Социальные объекты являются гибкими, подвижными и изменчивыми. Они требуют соответствующего мягкого подхода к их изменению и реформированию. Это говорит о том, что необходимо находить соответствие между характером и сущностью изменений и необходимыми для этого средствами деятельности.

В философском понимании естественного и искусственного в деятельности весьма примечательна позиция В. С. Степина, которая заключена в осмыслении методологических аспектов в рамках постнеклассических представлений о саморазвивающихся системах. Он полагает, что для подобных систем по-новому ставится проблема искусственного и естественного. Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации ее потенциальных возможностей, как один из нескольких вероятностных сценариев развития. В состояниях неустойчивости в точках бифуркации система становится особо чувствительна к внешним воздействиям. Сами воздействия насильственно не меняют природу саморазвивающейся системы. Такой подход характеризуется спецификой осваиваемого объекта. Человек может выступать особым компонентом системы, включенным в нее, а система выступает как человекоразмерная. Человек в подобных ситуациях может выступать как субъект и как объект, функционально расщепляясь [4].

Библиографический список

1. Граждан, В. Д. Социология управления: учебник / В. Д. Граждан. – М.: КНОРУС, 2008. – 512 с.
2. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М., 1974. – С. 45-46.
3. Лефевр, В. А. Конфликтующие структуры. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Советское радио, 1973.
4. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. – Вопросы философии. – 2003. – № 8.

Статья поступила в редакцию 04.07.2011.

ВЕСЕЛОВ Александр Васильевич – аспирант кафедры философии, культурологии и права Московского государственного индустриального университета.

Информация для авторов

Журнал «Новый университет» выходит в форме ежемесячного альманаха в сериях:

- **Экономика и право.**
- **Актуальные проблемы гуманитарных наук и общественных наук.**
- **Вопросы естественных наук.**
- **Технические науки.**

К публикации принимаются статьи студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также всех исследователей, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- возраст (если статья подается в рубрику для молодых ученых «Свежий взгляд»),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- ученая степень, ученое звание,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название серии альманаха, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: ujourn@gmail.com.

Мы ждем Ваших статей! Удачи!